

Томас Прест
Джеймс Раймер

ВАРНИ-ВАМПИР

Зов крови

Книга 4

Варни-вампири

Томас Прест

Зов крови

«Остеон-Групп»

1847

Прест Т.

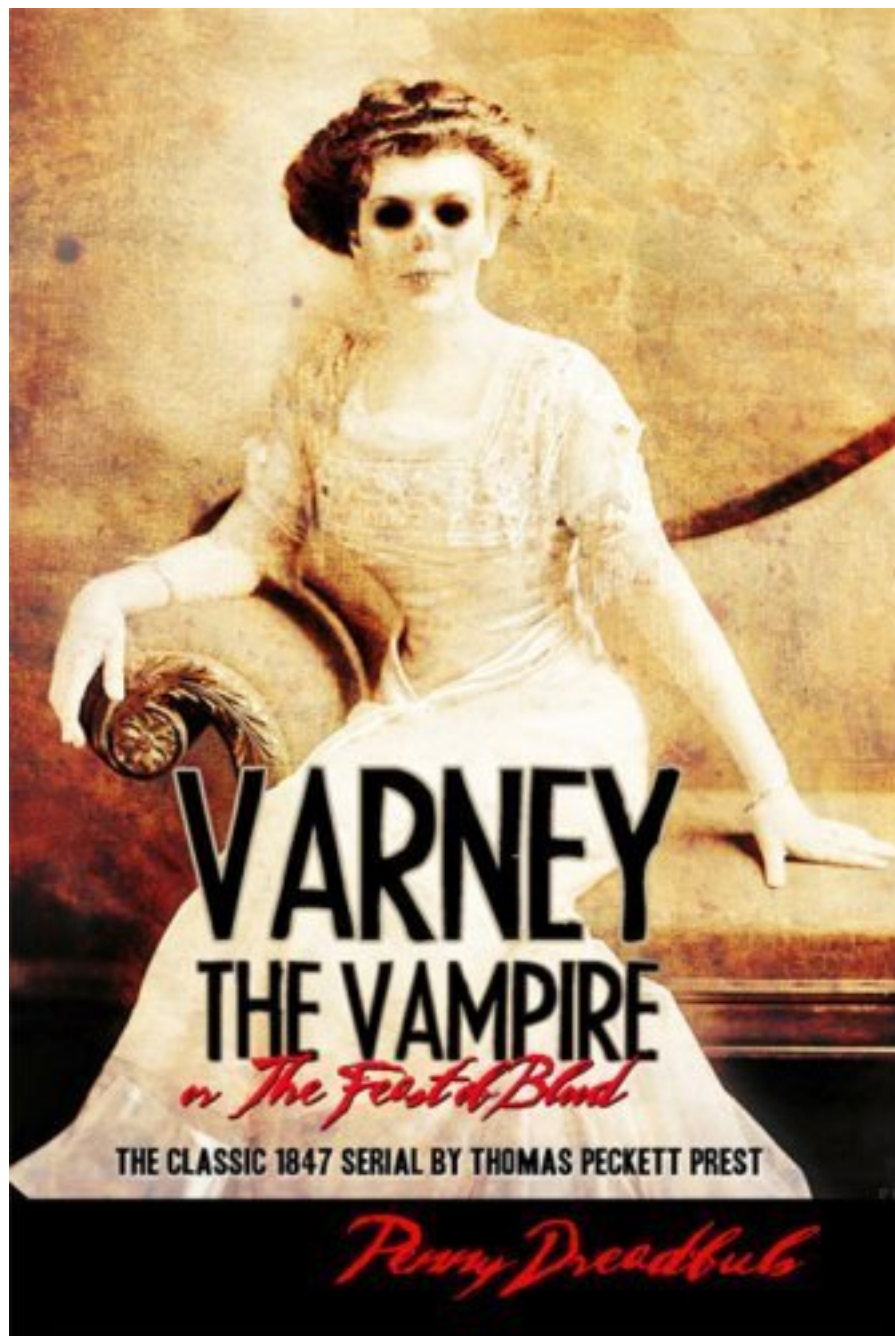
Зов крови / Т. Прест — «Остеон-Групп» , 1847 — (Варни-вампир)

Очередная книга походов проницательного джентльмена-вампира демонстрирует нам его «любовообильную» натуру. Он выбирает хорошеньких и незащищенных невест и пытается привести в исполнение свой гнусный замысел. Но отважный адмирал Белл и его храбрый денщик Джек Прингл успешно разоблачают все поползновения наглого упыря и устраивают за ним погоню по всей стране.

Содержание

Предисловие редактора	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	29
Глава 8	39
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Томас Прест, Джеймс Раймер Зов крови

Предисловие редактора

Да простят меня любезнейшие мои читатели, но, взявшись за переиздание этого грандиозного боевика и бестселлера позапрошлого века, легшего краеугольным камнем в основание газетно-журнальной империи, сохранившейся до наших дней, мы не представляли себе, насколько это будет сложной задачей.

Книгу мало было перевести, в ней надо было еще и разобраться, поскольку перед нашими переводчиками встали сотни действующих лиц со своими привычками, любимыми словечками и странностями. Словно желая навредить своим будущим коллегам, наборщики позапрошлого века перепутали главы, и позже пришлось разбираться, какая глава следует за какой и какой кусок текста за чем проследует.

Изменился и характер самого вампира Варни: словно озлобленный бесконечными преследованиями, он пускается в прямой криминал, не брезгует грабежами и убийствами. Его манией становится охота за молоденькими девушками на выданье с тем, чтобы удовлетворить свои самые низменные инстинкты.

Ему смело противостоит семья Баннервортов, юная Флора Баннерворт, ее брат Генри и жених Чарльз Голланд. К ним вскоре присоединяются дядя Чарльза, отставной адмирал Белл, и его неутомимый ординарец Джек Прингл.

Не будем утомлять читателя пересказом содержания предыдущих трех томов. Вам достаточно знать, что в конце третьего тома в повествовании появляется некий барон Штольмайер из Зальцбурга, переполошивший всех обывателей местечка Андербери своим богатством. Он приобрел самое дорогое из окрестных поместий и стал свататься за одну из самых хорошеньких девушек городка. Алчная мать решила выдать дочь замуж за барона, несмотря на все ее сопротивление. Тем временем проживавший неподалеку от Андербери храбрый Джек Прингл самым активным образом вмешивается в судьбу молодого моряка, спасенного им во время шторма. Узнав о том, что оставленная им на берегу невеста готовится замуж за богача, молодой моряк приходит в отчаяние.

Леонард Малевин

Глава 1

Подготовка к свадьбе барона Штольмайера из Зальцбурга.

Есть афоризм, говорящий о необходимости ковать железо, пока горячо. По поведению миссис Вильямс можно было определить, что она руководствуется этим афоризмом в отношении к своей дочери. Наверное, она считала, что, если ударит сейчас, когда железо горячо, сможет выбить из своей дочери согласие, несмотря на ее нерасположенность, стать женой барона Штольмайера.

Свечи, которые получала бы миссис Вильямс в результате свадебной игры, были настолько ценными, что ее желание свадьбы было огромным. Она не могла позволить себе упустить такой шанс. Речь шла не только о пяти сотнях фунтов, которые барон так благо-разумно пообещал ей в случае назначения дня свадьбы. Она понимала, что зять, который может легко потратить пятьсот фунтов на взятку ей, может быть отличным источником дальнейшего вытягивания денег.

«А потом, — думала миссис Вильямс, — у меня есть еще девочки. Какие у них будут возможности, ведь они будут в андерберийском доме общаться в кругу таких людей, как барон».

Перед женщиной-интриганкой, такой, как миссис Вильямс, а она ею действительно была, открывались удивительные возможности. Она решила во что бы то ни стало выдать свою дочь Хелен за барона, чтобы она стала баронессой Штольмайер Зальцбургской. Она ни на что в жизни никогда еще не решалась с такой серьезностью.

Она надеялась, что барон выберет себе кого-нибудь из других ее дочерей, тогда ей не пришлось бы преодолевать противодействие Хелен. Но такого не происходило, поэтому в жертву должна была быть принесена Хелен.

Даже если бы барон размышлял в течение двенадцати месяцев, он не придумал бы лучшего способа сделать миссис Вильямс своим ярим агентом, кроме как пообещать ей определенную сумму денег и сказать, за что конкретно данная сумма будет выплачена, потому что сейчас она считала, что откладывание свадьбы хоть на мгновение является, со стороны Хелен, преступлением, поскольку это не дает ей, миссис Вильямс, получить большую сумму денег.

Одну вещь, однако, она сделала сразу. Миссис Вильямс стала ходить к разным торговцам, которые по глупости своей больше не хотели продавать ей товары в кредит, и говорить им, что ее дочь Хелен выходит замуж и скоро станет баронессой Штольмайер и что, если они будут терпеливы и будут продолжать давать ей товары, она расплатится с ними в течение месяца.

Такая новость смутила некоторых из них, они считали, что она не сделала бы этого, если бы в этом не было доли правды. Именно такую новость, как читатель уже знает, и услышал Том, сын старого рыбака, который, рассказав ее, вызвал испуг в уме молодого человека, которого спас Джек Прингл после кораблекрушения.

На следующее утро леди получила лаконичную записку от барона, которая содержала следующие слова:

*«Мадам. Вы и ваша дочь назначили день и время моей свадьбы с ней?
Я уже выписал на вас чек и всего лишь жду развития событий, чтобы
подписать его и передать вам.
Искренне ваши, Штольмайер».*

Эта записка ввергла миссис Вильямс в бешенство нетерпения. Мысль о том, что на нее уже выписан чек на пятьсот фунтов, который всего лишь нужно подписать барону и который

был бы уже подписан, если бы ее дочь Хелен дала согласие, доводила ее до безумия. Она сразу же бросилась в комнату Хелен.

* * *

Бедная Хелен достаточно хорошо знала свою мать, чтобы быть уверенной, что для убеждения ее в необходимости выхода замуж за того, кто, увы, вызывал у нее только отвращение, будут использованы все методы.

С первого момента, когда ее мать провозгласила это, кажется, эта мысль лежала на ее сердце как глыба свинца. Она, казалось, после тщетного сопротивления уже была готова сдаться и сделать свое будущее несчастным и отчаянным.

– Увы! Увы! – говорила она. – Под какой несчастливой звездой я родилась, что чувствую себя такой несчастной? Что со мной станет и где мне взять терпения, чтобы выдерживать то, что судьба посылает мне, или сопротивляться махинациям матери, которая заставляет меня выйти за человека, которого я не могу полюбить?

Длительное отсутствие ее любимого было таким досадным, что она уже стала терять свои молодые жизненные силы. Но она все еще продолжала думать о нем.

– Он, безусловно, уже давно должен был, – сказала она, – и мог найти способ передать мне весточку. Он должен был знать, и он прекрасно знает, что самое худшее из всех чувств – это неопределенность. О! Почему я всеми покинута и брошена на растерзание худшим обстоятельствам?

В своих сестрах она не могла найти источник утешения. Они бы с радостью согласились поменяться с ней местами и стать баронессами Штольмайер. Они завидовали Хелен, завидовали ее красоте, которой все восхищались, а они были вынуждены тосковать в девичестве.

Однако для Хелен Вильямс этот дар красоты, как уже было написано, стал опасным. Если бы было возможным, она бы поменяла свою внешность на отвратительную, лишь бы не становиться женой барона Штольмайера.

Она пребывала в таком унылом состоянии духа, думая о своих мрачных перспективах, которые ждали ее в случае согласия стать женой барона, а также о таком же мрачном будущем, которое ждало ее в случае отказа, поскольку она знала положение дел своей семьи. В этот момент вошла ее мать.

Миссис Вильямс так твердо решила, что свадьба состоится в любом случае, что уже не просто просила свою дочь, а настаивала на свадьбе. Сестры, с которыми такая необычная, хотя нет, как раз-таки самая обычная, мать поговорила на эту тему, очень хотели, несмотря на зависть, чтобы свадьба состоялась, поскольку в этом случае они тоже становились членами семьи и андерберийский дом был бы их домом.

– Ну что, Хелен! – спросила миссис Вильямс. – Тебя это все еще мучает? Все еще ревешь?

– Разве у меня нет причины реветь?

– Хорошо, хорошо. Я пришла, чтобы сказать тебе всего несколько слов. Боюсь, что я погорячилась с предложением барона Штольмайера.

– О, мама, – закричала Хелен с обновленной надеждой, – как я рада слышать эти слова. Значит, теперь ты не будешь просить меня принести себя в жертву человеку, которого я никогда не полюблю? Не говори больше о прошлом. Достаточно того, что тобою овладели лучшие чувства, дорогая мама, я счастлива.

Такие слова могли смягчить сердце матери, но у этой женщины сердца не было. После паузы она приступила к своему плану.

– Возможно, моя дорогая, что так даже лучше.

– Конечно, лучше, потому что я совсем не хотела отдаваться тому, в ком я не могу найти абсолютно никакой привлекательности. В самом деле, мама, я испытываю отвращение к этому человеку, он урод.

– Да, об этом больше не нужно будет говорить. Я пришла попрощаться с тобой, только Небесам известно, когда мы встретимся снова.

– Что ты имеешь в виду, мама?

– Я имею в виду, моя дорогая, то, что говорю. Я прямо сейчас отправляюсь в тюрьму.

– В тюрьму?

– Да. Это, конечно, неприятно, но, как я тебе уже сказала, я была слишком оптимистична и строила слишком много планов, думая, что ты выйдешь за барона, поэтому я заняла кое-какие деньги, чтобы выплатить старые долги, а поскольку я не смогла выплатить их, меня арестовали. Сейчас я отпросилась на полчаса, через полчаса я должна быть у ворот городской тюрьмы.

Хелен выслушивала это заявление в полном ужасе. Она была слишком плохо знакома с обычаями общества, поэтому не смогла распознать ложь: ведь тот, кто арестовывает, никогда не отпустит арестованного из тюрьмы на полчаса.

– О! Мама, мама, – зарыдала она, – разве так может быть?

– Я не знаю, – сказала миссис Вильямс, – может так быть или нет. Все, что я знаю, – это то, что я совершенно готова провести остаток своих дней в темнице.

Хелен знала о тюрьме только по романтической литературе, поэтому не удивилась, когда ее мать упомянула темницу. Если бы она еще сказала о цепях, хлебе и воде и куче соломы в качестве кровати, бедная Хелен поверила бы и в это.

Поэтому неудивительно, что мысль о катастрофе предстала перед ней в самом ужасном свете. Она почувствовала, что вся ее радость от недавнего избежания женитьбы на бароне Штольмайере рассеяна ветром.

Она так окаменела от удивления и горя, что в течение нескольких секунд не могла говорить, а миссис Вильямс воспользовалась этой тишиной и добавила:

– Я не буду просить ни одну из своих дочерей сделать жертву. Раз уж я слишком уважала членов нашей семьи, уважала до такой степени, что залезла в долги, которые не могу отдать, я должна отвечать за последствия.

– О! Нет, нет.

– О! Очень легко сказать: «О! Нет, нет». Но все складывается как: «О! Да, да». Единственное, что мне остается сказать, – это что я вынуждена уехать из этой местности, лучше всего будет сказать, что я умерла.

– Небеса, помогите мне!

– И тогда, конечно, – продолжила миссис Вильямс в самой мученической и самоотверженной манере в мире, – и тогда, конечно, люди не станут искать меня и ты тоже сможешь со временем забыть меня.

– Мама, мама, разве это не жестоко?

– Моя дорогая, я не могу сказать, что думаю так. Возможно, я ошиблась и слишком далеко зашла, поверив, что ты выйдешь за барона Штольмайера из Зальцбурга. Я рассчитывала на тебя.

– Но, мама...

– О! Нет смысла ничего говорить.

– Кредитор так неумолим?

– Да. Я... он думает, что я обманула его. Он спросил меня, могу ли я назвать день твоей свадьбы с бароном, поскольку больше никакие уговоры на него не действовали, а поскольку, конечно, я не могла сказать ему этого, он взбесился и стал угрожать мне судебным преследованием. Я не думала, что он станет это делать, но он сделал. И теперь я под арестом.

– Но разве ничего нельзя сделать?

– Я не вижу никаких выходов из сложившейся ситуации. Барон, когда он делал свое предложение, очень хотел получить немедленный ответ, в таком случае он бы начал приготовления к свадьбе, об этом бы узнали и поверили мне. Но сейчас единственным спасением для вас является мое отправление в тюрьму, откуда я больше никогда не выйду.

Хелен горько плакала.

– Поэтому, моя дорогая, я прошу тебя не думать об этом. Я уже готова идти и не ругаться с тобой. Но я еще ничего не сказала твоим сестрам, поскольку думала, считала, что лучше всего будет рассказать обо всем сначала тебе, поскольку ты больше всех в этом замешана.

– О! Это так страшно, очень страшно!

– Прощай, прощай. Может, мы еще встретимся, а может, и нет. Я желаю всем вам счастья.

Миссис Вильямс двинулась к двери, но она еще не дошла до нее, как к ней бросилась Хелен и, удерживая ее, закричала:

– Нет, нет. Так не должно быть. Если кто-то должен стать жертвой, то пусть ею буду я.

– Что ты имеешь в виду, Хелен? – спросила миссис Вильямс с поддельным удивлением.

– Я, я имею в виду, мама, что, что я, я спасу тебя, я оставлю все надежды на счастье в этом мире, потому что, кажется, это моя судьба, я соглашусь.

– согласишься стать баронессой Штольмайер из Зальцбурга? Я правильно поняла?

– Да, да. Помогите мне, Небеса! Я чувствую, что у меня нет другого выбора. Страшные вещи, о которых я узнала, не оставляют мне другого выбора. Я должна согласиться, и я соглашусь, если это спасет тебя от тюрьмы.

– Спасет, спасет, моя дорогая, если мне удастся убедить моего настойчивого кредитора в том, что ты действительно согласилась и что это не моя ложь, выдуманная с целью избежать тюрьмы. Но если бы ты написала несколько слов, что даешь согласие, этого было бы достаточно.

Это была хитрая уловка со стороны миссис Вильямс, поскольку, хотя она вовсе не намеревалась отдавать такой документ барону, эта расписка стала бы оправданием всех будущих упреков по отношению к ней позже.

Несколько написанных слов, которых было вполне достаточно, как думала миссис Вильямс, чтобы заставить бедную Хелен выйти замуж, были написаны, потому что в характере Хелен не было двуличия и то, что она говорила, она была готова подтвердить в письменном виде.

– Хорошо, моя дорогая, – сказала миссис Вильямс, – несмотря на то, что ты сейчас не чувствуешь себя счастливой от предстоящей свадьбы, можешь мне поверить, тебе понравится твоя жизнь, потому что, когда ты станешь немного старше, ты найдешь, что обладание большим состоянием – самая важная вещь, на которую нужно обращать внимание.

Хелен покачала головой, но ничего не ответила. Она не была согласна со сказанным ее матерью, но она была слишком шокирована, чтобы еще что-то обсуждать.

– всю свою жизнь, – добавила миссис Вильямс, выходя из комнаты, – ты будешь испытывать глубокое удовлетворение от того, что спасла меня от тюрьмы, то есть спасла мне жизнь, потому что я уже думала, что мне придется умереть.

Глава 2

Джек Прингл приходит к миссис Вильямс и высказывает ей кое-какие свои мысли по этом делу.

Джек Прингл никогда не обещал ничего без намерения выполнить обещанное, независимо от того, удастся это ему или нет. Соответственно, когда он пообещал, что произведет необходимое и тщательное расследование на предмет того, верна ли молодому человеку Хелен Вильямс, он сразу же отправился делать это в самой прямой манере в мире, то есть задать вопрос самой миссис Вильямс. Этот вопрос, по его замыслу, должен был быть абсолютно прямым, и ответ на этот вопрос должен был быть таким же.

На такое решились бы немногие, но Джек считал, что смелость города берет, и был уверен в успехе.

Он пошел в город, даже не зная, где живет миссис Вильямс, несмотря на подробное описание маршрута к ее дому, которое дал ему Том, сын старого моряка, который определенно не был лучшим указателем маршрутов в мире.

Но Джек никогда не терялся, поскольку так или иначе, благодаря своему добродушному характеру, он мог находить себе друзей везде, куда бы ни шел, а среди них он мог найти того, кто охотно соглашался помочь ему, то есть довести до двери миссис Вильямс.

– Спасибо тебе, товарищ по кают-компании, – сказал Джек, – если мы с тобой когда-нибудь встретимся, можешь считать, что встретил друга. Это дом миссис Вильямс, да?

– Да, – сказал мужчина, – это дом миссис Вильямс.

– А что она за человек?

– О, она не из тех женщин, что мне нравятся. Но о вкусах не спорят, может быть, другим она нравится.

– Вы здравомыслящий человек, – сказал Джек, – могу сказать, что вы достаточно мудры, если вы попадете в какую-нибудь ситуацию, вы легко из нее выкрутитесь.

Человек не знал, считать это комплиментом или нет. В любом случае он пожелал Джеку, как и требовали правила приличия, доброго дня и не обратил на его слова внимания. Джек смело постучал в дверь, и появилась одна из жалких служанок Вильямсов. Она спросила его, что ему нужно. Джек ответил:

– Во-первых, я должен сказать, что вы очень красивая девушка, а во-вторых, я хочу повидать миссис Вильямс.

– Уходите, – сказала девушка, – вы всего лишь шутите, могу сказать вам, что, после того как миссис вас увидит, она сдаст вас в полицию.

– О нет, она не сделает этого, – сказал Джек, – поскольку я очень привлекательный парень, и она вряд ли отдаст меня кому-либо, скорее она оставит меня себе.

– Я уверена! – сказала девушка. – Вы такой же, как все остальные мужчины, вы слишком высокого мнения о себе. Но если вы хотите видеть миссис, я могу сказать ей об этом.

– Скажите, пожалуйста, – сказал Джек.

Миссис Вильямс была на первом этаже дома и слышала, что у входной двери идет какой-то разговор, она закричала:

– Сюзан, Сюзан. Как ты посмела заговорить с кем-то! Кто это там, скажи мне, кто это, сейчас же!

– Это я, мэм, – закричал Джек.

– Кто, я?

– Мэм, я пришел по деликатному вопросу. Я должен сказать вам кое-что важное.

Любопытство миссис Вильямс было возбуждено и, вероятно, некоторые ее страхи, поскольку, когда она говорила Хелен о своих долгах она, так сказать, ненамного преувели-

чивала истинное положение вещей. Поэтому она боялась отказать выйти к пришедшему, так как он мог оставить Сюзан какое-либо сообщение, а миссис Вильямс не хотела, чтобы Сюзан что-то знала.

По этой причине миссис Вильямс была готова выйти к любому, кто позовет ее и попросит дать ему аудиенцию, даже к Джеку Принглу, которого при других обстоятельствах, как правильно заметила Сюзан, она без колебаний отдала в руки какого-нибудь блюстителя общественного порядка, как вторженца в ее дом.

Когда Джека проводили в комнату, где его ждала леди, он сделал то, что считал очень элегантным поклоном, который состоял в схватывании его локона волос спереди, подергивании его, причем одновременно он отставлял ногу назад. Когда Джек делал это, он опрокинул кресло.

– Здравствуйте, мэм! – сказал Джек.

– Я могу вам чем-то помочь? – спросила миссис Вильямс.

– Думаю, да, – сказал Джек, – это верно так же, как и то, что я был во многих плаваниях, а вы, позволю себе сказать, вероятно, никогда не отплывали дальше пределов видимости берега.

– Это действительно так, – сказала миссис Вильямс, – я надеюсь, что разговариваю с офицером, а не с простым матросом.

– О да, мэм, – сказал Джек, – я зеленый контр-адмирал. Я пришел сюда, чтобы спросить, не намечается ли в вашей семье свадьба?

«Несколько эксцентричный человек, – подумала миссис Вильямс, – но, скорее всего, он – джентльмен, иначе он не был бы зеленым контр-адмиралом. Я знаю, что есть адмиралы разных цветов, поэтому он, несомненно, не ошибается».

– Да, сэр, в моей семье намечается свадьба. Я говорю это с гордостью за мою дочь Хелен, которая собирается выйти замуж за того, кого можно назвать иностранным властелином.

– Иностранного властелина. Зачем врать, это все болтовня.

– Говорю вам, сэр, за властелина, что-то вроде монарха, властелина, вы понимаете.

– О, я понимаю, они живут среди пластилина, поэтому так называются. Но вы уверены, что выходит замуж именно Хелен, потому что я тоже собирался сделать ей предложение?

– Действительно, тогда, адмирал Грин, мне очень жаль, но она выходит за барона Штольмайера из Зальцбурга.

– Барона какого? Как вы сказали? Сто маляров и соляной гамбургер? Какое странное имя.

«Какой странный человек, – подумала миссис Вильямс, – но он джентльмен».

Она произнесла:

– Адмирал Грин, Штольмайер из Зальцбурга, вот как зовут барона.

– О, я знал, что в нем есть что-то про соль. Но, как бы там ни было, это не важно. Когда состоится церемония, мэм?

– Назначение времени поручено мне, сэр. Я сделаю это, как мне будет удобно. Я вынуждена выразить свое большое сожаление, адмирал Грин, что вы опоздали. Видите ли, предложение барона было таким прекрасным. Он достаточно богатый человек, настолько богатый, что предложил мне чек на пятьсот фунтов в доказательство своих намерений, я не могла отказать ему.

– Что? Пятьсот фунтов?

– Да, уверяю вас, адмирал Грин, что он пообещал за мое согласие пятьсот фунтов.

– Скупой дьявол!

– Скупой?

– Конечно! Я хотел предложить вам пару тысяч и большое имение, которое у меня есть. Это имение приносит такую сумму ежегодно, но оно мне не нужно.

– Две тысячи фунтов и имение! Господи Боже мой! Я даже не знаю, что вам сказать. Вы такой щедрый, что я даже не знаю, что сказать, я озадачена. Две тысячи фунтов и имение, которое приносит две тысячи фунтов в год? Вы имели в виду это, адмирал Грин?

– Именно это. Что еще я мог иметь в виду? Но я не хочу пересекаться с иностранным пластилином бароном Солонкой.

– Но, мой дорогой сэръ, подождите секунду, дайте мне подумать.

– Нет, мэм, – сказал Джек, – я не такой обманщик, как вы подумали. Я не могу ничего сказать, но очень вероятно, что ваш барон окажется каким-нибудь наполовину голодающим мошенником, который хочет поправить свои дела за счет вас. Желаю вам доброго утра, мэм.

Сказав это Джек, несмотря на возражения миссис Вильямс, чья жадность была так сильно задета сказанным, что она решила бросить барона, который теперь потерял уважение в ее глазах из-за своих пятисот фунтов, которые она сначала посчитала большой суммой.

– Как странно, – сказала она, оставшись одна, – как странно. После того как я так долго искала мужей своим дочерям, претенденты начинают приходить все сразу и желать Хелен. Очень экстраординарная вещь, очень экстраординарная. Если бы я могла женить адмирала Грина на Джулиане, они бы могли пожениться с Хелен в один день. Тогда бы у меня было две тысячи пятьсот фунтов. Какая отличная идея! Я не скажу об этом никому, я выплачу своим кредиторам восемь пенсов на фунт в качестве премии, я покрою все свои долги и буду с комфортом жить в Лондоне.

С такими интриганами, как миссис Вильямс, всегда бывает так, удача приносит им разочарование. Теперь мысли о том, что она потеряла, перебивали мысли о том, что она приобретает от свадьбы ее дочери с бароном.

В согласии, которое, как мы знаем, было выдвинуто из Хелен, виновата именно миссис Вильямс, потому что больше никакая сила не могла заставить Хелен выйти за того, кого она не любила. Но простой факт того, что ее мать увязла в долгах, вынудил Хелен согласиться.

Она должна была все обдумать получше, включить в свои обдумывания Джеймса Андерсона. Такое обдумывание, скорее всего, предотвратило бы ее отступление от клятвы перед Небесами в любви и верности человеку, к которому она испытывала совершенно иные чувства.

Но Хелен не была мудрым мыслителем, и, несмотря на то что все аргументы были в ее пользу, и вся пристойность, и вся справедливость, мы с горечью вынуждены сказать, что она не воспользовалась ничем из этого в той степени, в которой должна была. Напротив, она стала сожалеть о вещах, которые могла использовать для сопротивления.

Когда из нее было выдвинуто согласие, она поддалась самым меланхолическим воспоминаниям, стала непрерывно плакать и призывать Небеса на помощь, она просила избавить ее от обстоятельств, с которыми вполне могла бы справиться и сама, если бы убедила себя сделать необходимые усилия.

Наконец, кажется, она решилась на план, который мог принести ей некоторое облегчение, но, решаясь на него, она не знала настоящего характера человека, с которым собиралась иметь дело.

В соответствии с этим планом она собиралась откровенно рассказать барону, что любит другого и что, жив он или мертв, воспоминания о нем живут в ее сердце, что она никогда не сможет полюбить другого и что, женившись на ней, барон получит источник печали и беспокойства, что он овладеет той, чью любовь никогда не сможет завоевать.

«Конечно, – подумала Хелен, – если он человек, если у него есть хоть какая-то мужская гордость, он не будет продолжать дело, которое для него будет унижительным и которое не даст ему совершенно никакого счастья».

Глава 3

День свадьбы назначен, и гости приглашены.

Неудивительно, что, получив согласие Хелен, за которое она должна была получить крупную сумму, миссис Вильямс почти незамедлительно отправилась к барону, чтобы рассказать об этом.

Казалось, что барон ожидал ее, поскольку не выказал ни малейшего удивления ее появлению, а принял ее с вежливой учтивостью, которая, как считала миссис Вильямс, была следствием его общения среди самых высших и благороднейших.

Он не казался очень нетерпеливым, каким бы был пылкий любовник. Прежде чем позволить миссис Вильямс рассказать о цели ее визита, он предложил ей сесть и настоял на появлении перед ней кое-каких самых изысканных напитков.

Как только она собиралась заговорить на тему, из-за которой пришла сюда, он прерывал ее какой-нибудь другой вещью, поэтому она нашла очень трудным начать говорить о деле.

Наконец, однако, когда он удовлетворил свое желание выказывать гостеприимство, барон сказал:

– Предполагаю, что я услышу что-то особенно приятное и восхитительное для себя, поскольку это будет предвещать исполнение моих самых сокровенных желаний.

– Дорогой барон, я вынуждена признаться, – сказала миссис Вильямс, – что, несмотря на чрезвычайно щедрое предложение адмирала Грина...

– Адмирала Грина, мадам? Я впервые слышу о таком человеке.

– Несомненно, несомненно. Наряду с вами предложение руки Хелен сделал еще и адмирал Грин, он сделал такое щедрое предложение, что было бы очень обидно отказывать ему.

– Тогда позвольте мне сказать, мадам, я надеюсь, что вы не будете смущаться и сразу же примете предложение адмирала Грина. Мне очень жаль стоять на пути выгодного соглашения, поэтому хочу попросить вас перевести свое внимание на адмирала Грина.

Поговорка о двух зайцах возникла в памяти миссис Вильямс, и она спешно ответила:

– О нет, барон, конечно нет, конечно нет. Я отказала адмиралу в этом. Я сказала ему совершенно определенно, что не приму его предложение. Я ему сразу же отказала.

– Тогда зачем беспокоить меня рассказом о нем, мадам?

– О, я думала просто упомянуть об этом, потому что адмирал сказал, что будет иметь удовольствие, конечно, это было очень великодушно с его стороны, передать мне чек на две тысячи фунтов.

– А, теперь я понимаю, – сказал барон. – Теперь я понимаю, почему вы рассказали мне о нем. Вы думаете, что меня можно заставить превзойти в щедрости адмирала Грина. Но если я скажу вам, что не собираюсь этого делать, вы поймете, что упомянули об этом зря.

Барон был прав. Миссис Вильямс имела в виду именно это. Она чувствовала все то разочарование, которое чувствуют умные люди, когда терпит провал хороший план и влечет за собой последствия, более того, провалы всегда имеют плохие последствия и никогда не оставляют вещи в положении, которое имело место до начала реализации плана.

Последовала скорее неловкая пауза, которая длилась несколько секунд. Затем миссис Вильямс подумала, что вернет расположение барона, и улыбнулась ему самым дружелюбным образом, сказав:

– Мой дорогой барон, я уверена, что мы будем самой счастливой и дружной семьей, какую только можно себе представить. Для меня величайшее удовольствие уведомить вас, что моя дочь согласилась стать вашей.

– Мадам, я очень признателен.

– Когда адмирал Грин сказал, что даст мне две тысячи фунтов, я сказала ему: «Адмирал Грин, понимаете, барон Штольмайер из Зальцбурга уже пообещал заплатить мне пятьсот фунтов наличными». Наличными, вы поняли, барон?

– Мадам, я не глухой.

– Но вы поняли, что наличными?

– О, я начинаю понимать, вам нужны деньги. Почему вы не сказали этого сразу? Нет никакого смысла разговаривать со мной намеками. Если бы вы сразу сказали мне: «Барон, я принесла вам согласие на женитьбу и ожидаю сразу же получить за это пятьсот фунтов», я бы понял вас и сразу сказал: «О конечно, мадам, вот деньги». Как я и делаю сейчас. Вот чек на эту сумму.

– Какая это замечательная вещь, – сказала миссис Вильямс, – какая замечательная вещь вести дело с таким настоящим бизнесменом, как вы. Очень мало людей, барон, обладают такими привычками.

– Мадам, вы слишком сильно меня расхваливаете. Конечно, пообещав вам такую сумму денег, я и не думал о нарушении своего слова. А сейчас позвольте спросить, когда же этот счастливый день?

– На этой неделе вас устроит, барон?

– Очень, мадам, прекрасно.

– Тогда будем считать, что договорились. Думаю, что это будет публичная свадьба?

– Нет, нет, это будет закрытая свадьба. Я решил, мадам, не приглашать больше ста пятидесяти человек и уложиться в одну тысячу фунтов. Как видите, я собираюсь устроить простенькую свадьбу и не хочу поднимать вокруг нее шумихи.

«Великое Провидение! – подумала миссис Вильямс. – Если он считает свадьбу с расходами на нее в размере тысячи фунтов простенькой, частной, без шумихи, какой же была бы публичная свадьба?»

– Во время одного из моих браков... – сказал барон с оттенком задумчивости.

– Одного из?... – спросила миссис Вильямс. – Могу я спросить вас, сколько раз вы были женаты, мой господин?

– О конечно. Позвольте вспомнить. Кажется, одиннадцать раз.

– Одиннадцать? Прошу вас, сэр, расскажите, что же стало с вашими женами?

– Я не могу сказать, мадам. Надеюсь, большинство из них отправились на Небеса. Но среди них были одна или две, которым я бы искренне пожелал оказаться в другом месте.

«Господи! – подумала миссис Вильямс. – Он – синяя борода, но сейчас мы зашли слишком далеко, и я не собираюсь расставаться с чеком, пусть даже жен у него было двадцать. В конце концов, это показывает, что он мужчина с большим опытом, и к тому же с большим богатством. Но если известие о его женах дойдет до Хелен, боюсь, она может не согласиться, я должна предупредить его об этом».

– Мой дорогой барон.

– Да, мадам.

– Я думаю, между мной и вами, мой господин барон, будет лучше ничего не говорить Хелен о том, что она будет вашей двенадцатой женой. Пусть она спокойно думает, что она у вас первая. Вы понимаете, мой господин, молодые люди полны предрассудков по таким вопросам. Ей это может не понравиться.

– О конечно, мадам, я не буду упоминать о женах, которые предшествовали ей. Уверяю вас, я знаю, какие предрассудки возникнут у людей о человеке, у которого было одиннадцать жен. Люди будут думать, что он задушил их.

– Господи Боже мой! – сказала миссис Вильямс. – Ведь это не так, мой господин барон. Я надеюсь, что никто никогда не обвинял вас в таких вещах.

– Нет, – сказал барон, – как же нам избежать всяческих обвинений. Вы знаете не хуже меня, миссис Вильямс, в каком плохом мире мы живем и какие люди завистливые.

– Да, – сказала миссис Вильямс, – это очень верно. Но не часто человек имеет одиннадцать жен.

– Нет. И такой человек не часто решается иметь двенадцатую.

– Да. В этом что-то есть. Но я не знаю, мой господин, я надеюсь, что это будет счастливый брак и во всех отношениях такой, каким мы желаем его видеть.

Миссис Вильямс, сказав это, оставила барона, но сказать о том, что она верила этим словам, значило бы произвести слишком суровый эксперимент над доверчивостью наших читателей. Когда барон оказался один, на его лице появилась странная и отвратительная улыбка.

– Эта женщина, – сказал он, – так сведена с ума золотом, что без колебаний продает мне своего ребенка. Если бы, после того как она услышала о моих мнимых браках, она отдала мне деньги, я бы стал уважать ее, но нет, она этого не сделала. Деньги – ее идол, когда она получает их, она не может с ними расстаться. Но что мне до этого? Разве я не решился на это, какими бы ни были последствия? Следовательно, я отброшу любые чувства жалости и буду жить только для себя. Потому что на что мне теперь надеяться, чего мне теперь еще опасаться со стороны человечества?

Надеяться? Я сказал, на что мне еще надеяться? Я был не прав. Мне есть, на что надеяться. И это у меня будет. Это месть. Да, это месть, месть! Которую я должен осуществить по отношению к обществу, которое сделало меня тем, что я есть. Придет время, и мое имя будет внушать ужас. Поднимется такое волнение, которое вызовет страшное беспокойство.

Он выглянул из одного окна своего дома и увидел идущую вниз по одной из дорожек сада миссис Вильямс. Она вытаскила чек из ридикюля и стала его внимательно разглядывать.

– О! – сказал он. – Сейчас она поклоняется своему божеству, золоту. Она знает, что этот клочок тонкой бумаги имеет ценность, что он может купить ее. Дура! Дура! И она думает, что покупает удовлетворенность.

Глава 4

Своеобразное приглашение на свадьбу барона.

Примерно через три дня после событий, которые мы только что описали, адмирала вызвал к себе его друг, юрист. Юрист вызвал его ради двух вещей.

В первую очередь юрист хотел рассказать ему о состоянии дела с квакером. Было много разногласий по поводу того, что делать дальше. Юрист сказал адмиралу:

– А теперь, адмирал, что касается нападения на мистера Шеппарда, все, что можно сделать, – дать ему доказать это, а затем довести до суда. В суде мы постараемся смягчить обстоятельства. Я хочу сказать, что вы дойдете до суда в Вестминстер-холл, и я не удивлюсь, если вы отделаетесь штрафом в шестьдесят восемь пенсов.

– Чего вы хотите добиться, – сказал адмирал, – давая ему сделать то, что он хочет?

– Я хочу, чтобы вы признали себя виновным в обвинении, предъявленном вам. Сделав это, вы обезоружите правосудие.

– Виновным? – закричал адмирал. – Виновным? Вы хотите сказать, что в даче пинка квакеру, особенно такому квакеру, как мистер Шеппард, есть какая-то вина? Думаю, что меня должны хвалить за это.

– Да, но вы меня не поняли. Это называется виновным по закону, поскольку вы совершили действие, запрещенное законом. А назвав себя виновным, вы всего лишь признаете факт нанесения пинков квакеру.

– Это совершенно другое дело. Я не отрицаю этот факт, но не называйте это виной, поскольку это вздор и я этого делать не буду. Виновный должен быть повешен! Я вижу вещи так. Виновный в даче пинка квакеру. Мне хочется пойти и накомстылять ему еще, нарочно. Может, я так и сделаю.

– Хорошо, хорошо, адмирал, сейчас, когда мы договорились по этому сложному вопросу, я должен сказать вам кое-что еще, кое-что более приятное.

– Выкладывайте. Выкладывайте.

– Слушайте. Помните, на свадьбе мисс Флоры Баннерворт с вашим племянником, мистером Чарльзом Голландом...

– Вы имеете в виду праздник в честь свадьбы, когда они все подшутили над старым человеком, как вы знаете.

– Да, праздник в честь свадьбы. Помните, тогда вы дали мне возможность пригласить несколько человек, все из которых были очень благодарны вам за приглашение в вашу компанию?

«Какой хитрый этот юрист, – подумал адмирал, – он может заставить подумать, что юристы – хорошие люди. Продолжайте, продолжайте. Что вы хотели сказать? Я был также рад видеть их, как и они меня».

– Кажется, сэр, что кое-кто из этих людей, особенно семья Кларк, хочет отблагодарить вас за это. А поскольку они приглашены на свадьбу, они хотят, чтобы вы пошли с ними, это будет очень интересная свадьба.

– Я не возражаю, – сказал адмирал. – Где она будет?

– В двадцати пяти милях отсюда, это место называется Андербери, они пожелали, чтобы вы на это мероприятие взяли кого-нибудь с собой.

– Это очень любезно, я не возражаю, если со мной пойдут Генри, Чарльз и Флора. Но когда вы называли Андербери, пропади я пропадом, я сразу вспомнил, что туда пошел Джек Прингл, чтобы полюбоваться на соленую воду, это пойдет на пользу его здоровью.

– Сэр, я думаю, это делает данное место еще более привлекательным для вас, поскольку оно расположено у моря.

– В этом вы правы, могу сказать вам, что и сам думал пойти туда, потому что, знаете, что подходит Джеку, достаточно хорошо подходит и мне.

– Тогда, сэр, я буду считать, что получил ваше полное согласие насчет этого мероприятия. Думаю, оно будет получено приглашающими с чувством глубокого удовлетворения.

– Да, да, так или иначе вы убедили меня, я пойду и больше не буду с вами спорить. Я возьму с собой Генри, Чарльза и Флору. Я бы взял с собой и Варни, вампира, если бы он был здесь. Было бы очень весело взять такого парня на свадьбу.

– Он бы не был самым желанным гостем в мире.

– Нет, думаю, не был бы. Но к кому на свадьбу мы идем?

– Приглашения рассылает мать невесты, а люди, которые хотят взять вас с собой, – ее друзья.

– Очень хорошо, очень хорошо. Поскольку все в порядке, я поговорю с Генри и Флорой об этом. Осмелюсь сказать, что мы доберемся туда с комфортом. Дайте вспомнить. Да, туда всего две стадии почтовых экипажей. Хорошо, хорошо, юрист, можете считать, что получили мое согласие.

Как и принято в таких случаях, на следующий день на имя адмирала Белла пришла уложенная в конверт открытка, которая гласила:

«Миссис Вильямс желает, чтобы уважаемый адмирал Белл с его сопровождающими лицами составили компанию на завтраке, который состоится 10 числа текущего месяца в два часа дня по случаю празднования свадьбы мисс Хелен Федоры Вильямс с бароном Штольмайером из Зальцбурга в Андербери-на-Горе».

– Проклятие! – сказал адмирал. – Это странное дело. Что-то необычное и чудное, должен сказать. Завтрак в два часа! Здесь какой-то подвох. Какого хрена ждать до двух часов? Кто завтракает в два часа? Я никогда не слышал ничего подобного. Но надеюсь, что там будет что поесть, поэтому я поем в семь часов утра и назову это своим обедом, а ленч у меня будет в дороге.

С этой пригласительной открыткой в руке адмирал пошел к Флоре и положил ее перед ней, сказав:

– Там тебе будет весело, Флора. Это приглашение, о котором я тебе говорил, у них будет завтрак в два часа, ленч, я предполагаю, в пять, обед в девять, чашка кофе около двенадцати, ужин в четыре часа утра, а спать они пойдут, я думаю, где-то на рассвете.

Прочитав открытку внимательно, Флора засмеялась и сказала:

– Это обещает быть интересным, дядя. И в любом случае, поскольку нас туда приглашают, мы повеселимся там, если там будет весело. А я думаю, что весело там будет, я определила это по помпезности текста пригласительной открытки, которую так любезно прислали нам.

– Если они забавные люди, – сказал адмирал, – мы посмеемся над ними, им не следует ожидать от нас другого. Если они окажутся другими, они могут стать очень приятными знакомыми.

– Конечно. Нельзя судить о людях по такому маленькому пустяку, как пригласительная открытка. Я пойду на свадьбу, думая, что они приятные люди, с таким же чувством, с каким они прислали нам приглашение.

– Очень хорошо, ты говорила об этом с Чарльзом, потому что у меня не было возможности сказать ему? Поскольку люди так любезно пригласили нас, мы должны выразить им большое почтение. Поэтому, думаю, нужно поехать туда на экипаже с четверкой лошадей с фореяторами. Это будет стильно.

– О, дядя, вас примут за жениха.

– Правда? Очень хорошо, я готов им быть, в случае, если у меня будет возможность полюбоваться невестой. А потом я очень постараюсь объяснить, что ошибся.

Глава 5

Джеймс Андерсон ищет и получает возможность побеседовать с миссис Вильямс.

Джек Прингл рассказал молодому человеку, которого спас после кораблекрушения, о разговоре с миссис Вильямс. Он полностью убедил его в том, что его надежды разбились вдребезги и что Хелен согласилась стать женой другого.

В этом не могло быть ошибки. Не было ни малейшего сомнения в неверности той, с кем он связывал свое будущее счастье.

Он был ошеломлен. Какое-то время казалось, что он не может двигаться. Но Джек оживил его и попытался убедить посмотреть на это дело философски.

– Полноте, полноте, – сказал он, – не расстраивайтесь из-за женщины. Взбодритесь, друг мой. В море есть множество лучших рыб, можете мне поверить.

– Я был готов поставить жизнь на ее верность.

– Вполне вероятно, мы все верили в верность женщин, которых любили и которыми восхищались. Но что в мире является более обычным делом, чем обман девицы? Когда он случается, мужчина должен пустить ее по ветру и забыть о ней раз и навсегда.

– Я не сомневаюсь в том, – сказал Джеймс Андерсон, – что это хорошая философия. Но уж очень трудно оторвать от сердца образ, который был лелеян в нем в течение многих месяцев.

– Возможно, и так. Но лучшее средство в мире – это посмотреть на вещи иначе, я знаю это по собственному опыту. Сделай так. И вскоре забудешь о девице, которая обманула тебя.

Джеймс Андерсон покачал головой и, легко улыбнувшись, сказал:

– Боюсь, что никогда не полюблю другую так, как любил ее. Сердце, которое любило так, как мое, никогда не сможет познать другого чувства. Я не могу надеяться на успех лечения, которое вы предложили мне.

– О! Через некоторое время вы будете думать по-другому, могу сказать вам. Время в таких случаях творит чудеса. Уже через месяц вы будете пребывать в совершенно другом душевном состоянии по сравнению с теперешним.

– Должен признаться, что не хотел бы всю свою жизнь быть подверженным бесконечному сожалению, но в то же время чувствую, что, чтобы со мной ни случилось в жизни, я никогда не буду так сильно разочарован.

Джеймс Андерсон, сделав такие замечания, показал желание забыть об измене, а поскольку это дело касалось только его одного, Джек Прингл и рыбак договорились больше об этом не говорить.

Несмотря на то что Джеймс Андерсон ничего не говорил по этому поводу, дело было слишком серьезным, чтобы так легко покинуть его голову, измена поглотила все его мысли и отвлекла все его внимание до такой степени, что все другие чувства были забыты полностью и совершенно.

Те, кто так любезно предоставил ему убежище, не были невнимательны к нему. Джек Прингл старался развеселить его, отвлекая его внимание его обязанностями.

– Дорогой товарищ по кают-компании, – сказал он, – разве не время подумать о поездке в Лондон, где нужно доложить о потере распоряжений, которые вверил вам капитан?

– Да, время, – сказал Джеймс Андерсон, – я отправлюсь этим вечером.

– Это правильно. Вероятно, это лучшее, что вы сейчас можете сделать, могу вам сказать. Вы получите новое назначение и в суматохе жизни вскоре забудете обо всех разочарованиях. Если вы поступите на службу, то, ведь вы еще так молоды, сможете подняться по службе и заслужить пару эполетов, уверяю вас.

– В любом случае я буду чувствовать себя спокойно, – сказал Андерсон, – зная, что я, после кораблекрушения, приобрел знакомства, которые, я надеюсь, с удовольствием у меня сохранятся. Я еще не совсем в состоянии нормально ходить, поэтому сначала поеду в город, где подготовлюсь к поездке в Лондон. Все это я могу сделать благодаря вашему, мистер Прингл, великодушию.

Лицо Джека исказилось, и он сказал:

– Что бы ты ни делал, друг мой, не называй меня мистером Принглом, мое имя Джек Прингл. Меня всегда звали Джек Прингл, и я им всегда буду. Когда меня называют «мистер Прингл», мне кажется, что что-то произошло, поэтому мне это не нравится.

– Тогда я больше не буду обижать вас, называя мистером, для меня вы будете Джеком Принглом. Я хочу только сказать, что никогда в жизни во всем мире у меня не будет такого уважаемого друга, как вы.

Джеку всегда было легче выслушивать порицания, от кого бы они ни исходили, чем похвалу, поэтому он стал беспокойно двигаться, когда Джеймс Андерсон выражал ему свои благодарные чувства. Наконец он сказал:

– Стоп, стоп, старик. Достаточно. Не нужно этого больше. Говорю тебе. Спасать других людей – это совершенно естественно. Не говори больше об этом, не докучай мне.

Это не было жеманностью Джека Прингла. Наоборот, ему очень не нравилось, когда его хвалили. Когда Джеймс Андерсон понял это, он решил избегать таких вещей в будущем.

Ближе к вечеру, одевшись настолько прилично, насколько позволял гардероб старого моряка и его сына, поскольку его собственная одежда была полностью испорчена соленой водой, он отправился в город Андербери.

Джек Прингл думал, что Джеймс Андерсон хочет получить какие-то средства для поездки в Лондон, но Джеймс имел другой мотив, из-за которого он отправился в город, о котором он никому не рассказывал.

Этим мотивом была сильная страсть увидеть до отъезда Хелен Вильямс, если будет такая возможность, чтобы услышать о предательстве из ее собственных уст. Потому что он не мог, зная ее характер, поверить, что на нее произвело воздействие богатство ее нового поклонника.

– Нет, нет, – говорил он, – я знаю ее достаточно хорошо, чтобы поверить, что она совершила такой бесчестный поступок. Должно быть, ее убедили в моей смерти, придумали какую-нибудь правдоподобную сказку об этом. Может быть, убедили в моей неверности, что заставило ее принять первое попавшееся предложение. Если мне удастся поговорить с ней, я все узнаю и либо верну ее, либо получу достаточные основания забыть ее.

Он прекрасно знал путь к дому, откуда к нему часто выходила Хелен. Глубокого обдумывания требовал вопрос способа сообщения ей о его приезде.

Его не было достаточно долго, и, несомненно, прислуга миссис Вильямс изменилась. В старые времена у него была благосклонная к нему служанка, которая не только передавала его сообщения Хелен, но и рассказывала новости о семье. Он не сомневался, что ее здесь уже давно не было.

После некоторых раздумий он пришел к выводу, что передание сообщения Хелен является практически невыполнимой задачей. В этот момент он увидел, как из дома выходит мальчик, который, вероятно, шел по какому-то поручению. Больше с чувством отчаяния, чем с логическим обоснованием, он сказал ему:

– Кажется, ты вышел из дома миссис Вильямс, мой мальчик.

– Да, это так, – сказал мальчик. – Что ты от меня хочешь? Дерись с кем-нибудь твоего роста. Я тебе ничего не сделал.

– Ты ошибся, мой мальчик. Я не собирался трогать тебя, можешь мне поверить. Наоборот, я вознагражу тебя, если ты ответишь на мои вопросы, которые я тебе задам. Уверю тебя, ты можешь на них ответить.

– Я не знаю. Сколько?

– По шиллингу за каждый вопрос.

– Это странный способ вести дела, но не такой плохой. Спрашивай, и ты увидишь, как я зашибаю шиллинги.

– Мисс Хелен собирается выйти замуж?

– Да, – шиллинг.

– За кого?

– За барона Штолландмеера и Соляного Жука, – два шиллинга.

– Ты передашь ей мое сообщение, если я заплачу тебе за это дополнительную сумму?

– О, я начинаю чують недоброе. Да, я сделаю это. Ты – другой любовник? Три шиллинга.

– Да, я другой любовник, – один шиллинг.

– Что ты имеешь в виду?

– Как что, мой молодой друг, если я плачу тебе шиллинг за вопрос, почему бы мне не брать с тебя по той же ставке? Поэтому не задавай мне вопросов, тогда ты будешь только зарабатывать шиллинги, понял.

– О, я не вижу в этом шутки. Я не хочу задавать вопросов. Что вы дадите мне за доставку записки? Думаю, мне нужно полкроны, за почтовые услуги. Потому что, если меня поймает миссис Вильямс, она очень строго меня накажет.

– Ты получишь полкроны, вот записка, которую нужно передать только в руки самой Хелен.

– О, я сделаю это. А что я получу, если доставлю вам ответ?

– Еще полкроны, поэтому, как видишь, если будешь умным и честным, неплохо за сегодняшний вечер заработаешь.

– Давайте записку, я все сделаю, можете доверять мне. Мой отец привез меня сюда, чтобы я мог зарабатывать. Он сказал мне: «Калев, всегда выполняй свои обязанности по отношению к семье, которая тебя наняла, пока кто-нибудь не заплатит тебе больше за невыполнение этих обязанностей».

– Это практически философская максима, – сказал Джеймс Андерсон, – ты служишь миссис Вильямс?

– Да, я мальчик-слуга, выполняю все, что скажут. Я делаю всего понемногу и являюсь достаточно полезным. Где вы будете меня ждать?

– У этого угла. Только, пожалуйста, действуй максимально быстро, поскольку мне не терпится узнать результаты.

Калев, слуга по всему понемножку, пообещал быть быстрым и после выполнения поручения миссис Вильямс вернулся в дом леди.

Мы не можем не подумать о том, что после тех принципов, которые объявил Калев, ему можно было доверять записку, написанную для Хелен, которую нужно было передать именно ей в руки. Но у Андерсена не было другого выбора.

Как бы там ни было, он поверил своему посыльному, который, мы с сожалением вынуждены сказать об этом, не выполнил условия сделки. Калев не забыл уроки своего отца, наоборот, он упорно и усердно выполнял их.

Мы не знаем, думал он обмануть Андерсона или нет, поскольку миссис Вильямс из одного из окон своего дома видела разговор мальчика с незнакомцем. Несмотря на то что однажды она видела Джеймса Андерсона, до того как он ушел в плавание, с тех пор он

сильно изменился, и она уже не могла узнать его. Когда Калеб вернулся, она завела его в гостиную и закрыла дверь.

– Калеб, – сказала она, – я настаиваю на том, чтобы ты немедленно рассказал о том, с кем ты разговаривал на улице и что за записку он дал тебе.

Калеб был несколько ошеломлен таким прямым вопросом, поскольку не думал, что миссис Вильямс видела его. После короткой паузы он сказал:

– А что вы дадите, миссис, за это?

– Дам? Дам? Как ты смеешь просить с меня деньги за вопрос?

– Нечего гневаться на это, миссис. У меня есть возможность легко и спокойно зарабатывать восемь шиллингов. Если вы дадите мне шестнадцать шиллингов, я расскажу вам все. Могу заранее сказать, что информация, которой я владею, стоит гораздо дороже, вы бы с радостью заплатили за нее в три раза больше.

– Шестнадцать шиллингов? Это, должно быть, что-то чудесное, что стоит таких денег.

– Это только то, что есть, миссис. Ну что, договорились? Потому что я спешу, у меня много дел.

– Хорошо, хорошо, Калеб. Скажи мне, что это, и дай мне записку.

– Я не сделаю этого, пока не получу деньги, миссис. О нет. Я знаю вас. Я получил деньги от парня, который ждет меня там, а от вас я ничего не получил. О нет. Сначала я должен получить наличные. Тогда вы получите информацию. Говорю вам еще раз: цену я назвал очень маленькую. Информация для вас гораздо дороже.

Любопытство, а также подозрение миссис Вильямс были сильно возбуждены. Она чувствовала, что происходит что-то, что затрагивает ее интересы. После размышлений она пришла к выводу, что в визите адмирала Грина было что-то большее, чем желание увидеться с глазу на глаз.

– Хорошо, хорошо, – сказала она, – в моем кошельке только золото. Но ты получишь свою сумму, Калеб, обещаю тебе.

– Я вам верю, – сказал Калеб, – но нет ничего лучше наличных денег, миссис. Поэтому давайте соверен, и вот вам четыре шиллинга сдачи.

Было досадно, но Калеб не собирался расставаться с информацией без получения наличных. Миссис Вильямс была вынуждена передать ему деньги. Это она сделала с большой неохотой. Она сказала:

– А сейчас я жду, что ты все расскажешь мне.

– Так и будет, миссис. Не думайте, что я возьму с вас шестнадцать шиллингов и ничего не скажу. Нет, миссис. Я считаю такие действия неприемлемыми.

– Хорошо, хорошо, не томи меня, рассказывай.

– Рассказываю. Тот парень на углу улицы хотел, чтобы я передал это письмо Хелен и принес ответ.

– Письмо Хелен? Это новость, действительно. А кто он?

– Этого я не знаю. Я хотел спросить его, но так или иначе он дал мне понять, что этого лучше не делать. Я думаю, миссис, вы поймете, кто он, прочитав письмо. Люди, знаете, обычно подписывают письма настоящими именами, а не псевдонимами.

Это было верное предположение, и миссис Вильямс без малейшего колебания открыла конверт с посланием молодого Андерсона, адресованным другому человеку, и стала его, достаточно громко, так что Калеб мог тоже все слышать, читать в его присутствии:

«Моя самая дорогая Хелен. Я все еще называю тебя так, поскольку еще не услышал из твоих собственных уст, а только из уст других, что ты забыла меня. Это правда, что ты преступила клятвы, данные перед лицом Небес, быть моей и только моей?»

Я всего лишь прошу встретиться со мной. Я хочу, чтобы ты сказала мне это лично. Я обещаю не преследовать и не упрекать тебя. Скажи мне, что тебя вынудили, ты знаешь, что в моем лице найдешь защитника. Назови свое время и место встречи и передай ответ мне вместе с мальчиком, который принес тебе это письмо. Позволь просить тебя об этом во имя нашей старой любви, пришли мне ответ.

Вечно твой,

Джеймс Андерсон».

– Я так скажу вам, миссис, что текст этот достаточно трогательный, – сказал Каледб.

Глава 6

Уловка миссис Вильямс для избавления от Андерсона

Восклицание Калеба дало миссис Вильямс знать о его присутствии. Ее это разозлило, и она решила, будучи в гневе, как-нибудь наказать мальчика. Если бы он ловко не избежал ее, вовремя покинув комнату, несомненно, она бы заставила его запомнить, что бывает с теми, кто проявляет грубое любопытство.

– Этот негодник, – сказала она, – все подслушал, теперь он все знает и может рассказать ей. Если он расскажет о нем, он выдаст и меня. Как же мне все это исправить?

Подумав, миссис Вильямс вспомнила, что Калеб не только узнал содержание письма, он видел его и держал в руках. Несмотря на то что он был с ней откровенен, была вероятность, что он расскажет об этом деле другим.

– Калеб, – сказала она, опять позвав его к себе. – Калеб, можешь мне поверить, я тебя хорошо вознагражу, если в этом деле ты займешь мою позицию и не расскажешь об этом никому. Я хорошо заплачу тебе. А когда барон женится на мисс Хелен, позволю себе сказать, заберу тебя в прекрасное место, то есть в андерберийский дом.

– Хорошо, миссис, – сказал Калеб, – я чувствую себя как на аукционе, меня покупает самая большая ставка. Вы уже заплатили мне шестнадцать шиллингов за информацию, что еще я должен сделать, миссис?

– Я хочу, чтобы ты отнес записку с ответом, которую я дам тебе, но, конечно, молодой человек должен подумать, что записка от Хелен, моей дочери.

– Сколько?

– Что ты имеешь в виду, спрашивая сколько?

– Я имею в виду, сколько я получу?

– А, я понимаю тебя. Сколько ты ожидаешь получить за такое дело?

– Крупную сумму, могу сказать. Что вы думаете о десяти шиллингах и шести пенсах, миссис?

– Думаю, это слишком дорого, Калеб, но, несмотря на это, я вознагражу тебя, если я смогу положиться на тебя.

– Деньги вперед, – сказал Калеб, – вы знаете, быстрые расчеты создают долгих друзей, миссис. Кроме того, всегда лучше не накапливать такие вещи. Потому что однажды, если вы будете откладывать платежи, вы можете накопить большие долги, и в результате вы не будете хотеть выплатить их.

С большой грациозностью, поскольку миссис Вильямс никогда не любила расставаться с деньгами, она дала Калебу сумму, которую он просил за эту новую услугу, заметив:

– Хорошо, Калеб, скоро ты станешь богатым, если будешь продолжать в таком духе.

– Вполне вероятно, мэм, – сказал Калеб, – мне нравится получать деньги, и я не вижу причин не делать это.

Миссис Вильямс вскоре дала ему записку, которая была очень короткой и содержала такие слова:

«Приходи в восемь часов и позвони в дверной звонок».

Эти слова она написала, стараясь максимально подделать почерк своей дочери Хелен. Подписав это чрезвычайно лаконичное послание, она передала его Калебу, повелев сразу же пойти и отдать его стороне, которая ждала его. Мы должны сказать, что мальчик оказался одним из самых эгоистичных мерзавцев, каких только мог породить мир, потому что теперь за деньги он готов был продать миссис Вильямс Джеймсу Андерсону, если бы была возможность сделать это безопасно.

Но возникли некоторые трудности, которые сообразительность Калеба позволила ему увидеть. Во-первых, он понял, что с Джеймсом Андерсоном трудно торговаться, гораздо труднее, чем с миссис Вильямс, а во-вторых, поскольку письмо он получил от миссис Вильямс, а не от Хелен, было несколько опасно говорить Джеймсу об этом.

– Нет, нет, – сказал он, – я просто отдам ему письмо и покончу с этим делом, потому что оно мне не нравится. Этот молодой парень похож на человека, который без колебаний скрутит шею за любую мелочь. Поэтому я просто отдам ему письмо и ничего не скажу.

Джеймс Андерсон ждал у угла с большим нетерпением, потому что из-за миссис Вильямс Кaleb был вынужден задержаться на значительное время.

Когда, однако, он увидел как он идет, в его груди опять появилась надежда, он почувствовал глубокое удовлетворение, когда увидел Калеба, который нес в руке не что иное, как письмо. Когда мальчик подошел к нему, он приблизился к нему и радостно сказал:

– У тебя письмо, ты видел ее и получил ответ?

Калеб решил ничего не говорить, он вспомнил разные поговорки о пользе молчания. Он хотел избежать возможных будущих упреков, поэтому вместо того, чтобы произносить какие-то замечания, просто с умным видом приложил палец к губам.

Затем он передал письмо Джеймсу Андерсону, и мысли того погрузились слишком сильно в содержание письма, поэтому он не обращал внимание на почтальона.

Калеб подумал, что сейчас есть хорошая возможность удалиться, и, чтобы избежать ненужных вопросов, зашагал прочь на самой большой скорости.

Джеймс Андерсон, оторвавшись от внимательного чтения одного предложения, которое содержало письмо, и подняв голову, был изумлен, найдя, что его почтальон ушел. И это с учетом того, что этот мальчик так сильно желал получить плату за эту услугу.

– Что случилось с мальчиком? – сказал он. – Я хотел задать ему еще сто вопросов.

Миссис Вильямс так хорошо подделала почерк своей дочери Хелен, что Джеймс Андерсон был полностью убежден, что письмо было написано избранницей его сердца.

Он был уверен, что письмо выражало холод и отчужденность, поскольку, с учетом того, что они не виделись так долго, и того, что он любил ее так сильно, оно должно было содержать хотя бы пару слов о любви.

– Она могла сказать мне, что ее сердце принадлежит мне, – пробормотал он сам себе, – или дать мне сразу понять, что оно изменилось так, что я его теперь не узнаю. Теперь остается только ждать встречи с ней. А может быть, у нее не было времени написать больше, может быть, она не доверяла почтальону, посчитав, что будет небезопасно выражать свои настоящие чувства в этом послании.

Надеясь на это и пытаясь убедить себя в лучшем, Джеймс Андерсон с нетерпением стал ждать часа, когда, в соответствии с полученной запиской, он сможет увидеть лицо той, воспоминания о ком согревали его в часы одиночества и давали возможность переносить зло и несчастья, которые при других обстоятельствах были бы непреодолимыми.

До восьми часов оставалось не так уж много времени. Без пяти минут восемь Джеймс Андерсон, трясаясь от нетерпения, подошел к двери дома миссис Вильямс. Его рука тряслась, когда он поднес ее к дверному колокольчику. Он сказал себе, что пришло время, когда все должно стать известным, когда он поймет, что ему теперь ожидать, на что надеяться или чего бояться.

Несомненно, что-то сильно давило на его сердце. Был неопределенный страх того, что все плохо. За время, между тем как прозвенел колокольчик и открылась дверь, он пережил чувство неловкости, которое всегда сопровождает сильное беспокойство и которое является очень тяжким.

Дверь открывала служанка, которая получила указания от миссис Вильямс, поэтому она знала, что говорить. Не ожидая представления посетителя, она сказала:

– Вы мистер Андерсон, сэр?

– Да, да, – сказал он.

– Мне приказано проводить вас в заднюю комнату.

«Все в порядке, – подумал Джеймс Андерсон, – она ждет меня, возможно, она приготовилась к приему».

Он без колебаний последовал за служанкой, поскольку верил, что она подруга Хелен и что ей можно полностью доверять. Она провела его в заднюю комнату, где никого не было. Затем она сказала:

– Если вы посидите несколько минут, сэр, моя госпожа придет к вам.

«Ее молодая госпожа, она имела в виду», – подумал Джеймс и приготовился ждать с нетерпением, которое при данных обстоятельствах, несомненно, было очень сильным. Ведь он так сильно беспокоился, поскольку сейчас решалась его судьба.

В планы миссис Вильямс не входило заставлять его ждать, поскольку она, безусловно, не хотела долго держать в доме такого посетителя, как Джеймс Андерсон, поскольку не знала, какая случайность может произойти и все испортить.

Хелен сама могла спуститься по лестнице и случайно зайти в эту комнату, где она надеялась избавиться от проблематичных притязаний Джеймса Андерсона навсегда.

Она была в передней комнате, когда Джеймса проводили в заднюю. Эти комнаты сообщались раздвижными дверьми. Ей всего лишь нужно было открыть эти двери и изумить Андерсона, который не ожидал увидеть мать вместо дочери.

Он выказал неожиданное и очень сильное изумление. Но, поскольку миссис Вильямс решила вести себя так, словно было унижено ее личное достоинство, она не стала волноваться по этому поводу и сказала, с уверенностью, которую могла себе позволить себе только она:

– Могу я спросить вас, сэр, ради чего вы пишете записки моей дочери в такое время? Записки, которые, как мне кажется, имеют своей целью причинить ей большой вред. Они имеют четко определенную цель.

– Миссис Вильямс, – сказал Джеймс Андерсон, – поскольку, как мне кажется, меня предали и мальчик, которому я по глупости поверил, доставил записку вместо вашей дочери вам, я могу только сказать...

– Прошу прощения, сэр, – сказала миссис Вильямс, перебивая его, – но, поскольку я получила вашу записку от моей дочери, можете избавить себя от беспочвенных обвинений мальчика, которого вы соблазнили подкупом и взятками.

– От вашей дочери?

– Да, сэр, от моей дочери. Мне льстит то, что между мной и моей дочерью слишком хорошие отношения, чтобы скрывать от меня такой секрет, как это обстоятельство.

Это был очень неожиданный удар для Джеймса Андерсона, удар, к которому, действительно, он не был готов. Несмотря на свои сомнения, Джеймс не имел возможности опровергнуть то, в чем уверяла его миссис Вильямс. Она увидела, что одержала над ним победу, увидела затруднительное положение, в котором он оказался.

– Сэр, – сказала она, – если вы хотите передать моей дочери что-то еще, она просила, чтобы вы сообщили это мне. Если она сочтет нужным, она даст вам ответ в письменном виде. Но она полностью отвергает личную встречу. Она считает, что личная встреча будет слишком неприятной для всех, особенно для нее, учитывая ее теперешнюю специфическую ситуацию и что она скоро изменит свое положение, став женой барона Штольмайера из Зальцбурга.

– Я не поверю в это, – сказал Джеймс Андерсон, – пока не услышу это из ее уст.

– Предполагаю, сэр, когда вы увидите объявление в «Окружном протоколе», вы поверите.

– Этого, – сказал Джеймс Андерсон, – никогда не будет. Этого не может быть, поскольку я не могу поверить, что та, которую я так любил, оказалась предательницей.

– Предательницей, сэр? Что вы имеете в виду? Я сообщу барону, если вы будете использовать такие выражения по отношению к его будущей жене.

– Я поговорю с бароном, – сказал Джеймс, – и на языке, который он поймет, если встречу с ним.

– Если вы угрожаете, то я считаю, что обязана сообщить об этом барону, чтобы он мог предпринять юридические действия, которые ему могут посоветовать.

– Повторяю вам, миссис Вильямс, что не поверю в это. И поскольку вы вынуждаете меня сказать это, я скажу, что вы можете продать свою дочь, если вам предложат высокую цену. А барон занимает место, какое ни один джентльмен никогда не стал бы занимать. Возможно, барон ничего не знает. Я повидаяю его и объясню ему, что вашей дочери до него уже была предложена рука.

Такая угроза несколько встревожила миссис Вильямс, поскольку она подумала, что, если барон узнает, что раньше уже был любовник, который, вероятно, нравился леди, он может посчитать, что его шансы на семейное счастье будут гораздо ниже, а это может вызвать отказ от женитьбы, которая, как считала миссис Вильямс, была уже полностью организована.

Таким мог быть результат, хотя, возможно, она зря волновалась. В любом случае такое заявление молодого человека казалось ей серьезным.

Поэтому миссис Вильямс решила прибегнуть к своей последней уловке: показать письменное обещание Хелен выйти замуж за барона, о котором она, к своей радости, вспомнила в этот момент.

– Хорошо, сэр, – сказала она, – раз уж вы не удовлетворены простыми аргументами и поскольку сомневаетесь в моих словах, будет необходимо рассказать вам обо всем и показать вам веское доказательство.

– Доказательство, мадам? Ничто, кроме заверения Хелен, не будет для меня доказательством. Позвольте мне повидать ее. Поскольку сам факт того, что вы старательно прячете ее от меня, вызывает очень серьезные подозрения.

– Прочтите это, сэр, и вы узнаете обо всем из этой расписки, полученной от той, кого вы так обожаете, это рассеет ваши сомнения.

Джеймс Андерсон взял бумажку и посмотрел на нее. Выражение его лица неожиданно изменилось. Миссис Вильямс увидела, что расписка возымела эффект.

Он не мог сомневаться. Он слишком хорошо знал эту подпись. У него были некоторые записки, которые, как он считал, он будет хранить до конца своих дней. Это было действительно ужасное доказательство того, что она ему сказала, такое доказательство, какого он никогда не ожидал увидеть, оно ошеломило его.

– Теперь, сэр, – сказала миссис Вильямс победным голосом, – думаю, вы удовлетворены. Моя дочь выходит замуж, она согласилась стать баронессой Штольмайер Зальцбургской. Не вдаваясь в то, что могло было быть между вами, думаю, если вы джентльмен, то поймете, чем раньше вы уйдете, тем будет лучше.

– Этого достаточно, – сказал Джеймс Андерсон. – Женщины бесчестны.

– Я не знаю, сэр, почему вы так говорите, люди имеют право менять свои решения по незначительным жизненным вопросам. Я не вижу, почему они не могут делать этого и в отношении вопросов более серьезных.

– Достаточно, мадам, достаточно. Я не знаю, какие шаги теперь предпринимать, но говорю вам: прощайте.

Миссис Вильямс была очень рада услышать такие слова, а именно последнее, потому что она постоянно боялась, что благодаря какой-нибудь случайности между Джеймсом

Андерсеном и Хелен произойдет личная встреча и тогда она будет вынуждена делать неприятные объяснения.

После того как он покинул дом, она почувствовала большое облегчение. Когда за ним захлопнулась дверь, она глубоко вздохнула и сказала сама себе:

– Спасибо судьбе, эта работа сделана, и сделана неплохо. Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы я его не остановила. Он симпатичный молодой человек, и, если бы он зарабатывал по несколько тысяч в год, я бы не возражала, чтобы он стал моим зятем. Но я не могу, и не буду, терпеть в своей семье бедняков. От них только проблемы и неприятности. Вместо избавления от проблем дочери ты еще получаешь проблемы ее мужа.

С грустью Джеймс Андерсон зашагал обратно к дому рыбака, где рассказал о произошедшем сочувствующему ему старому моряку, потому что Джека Прингла там не было. А если бы он был там, Джеймс Андерсон знал это, он бы не стал ему сочувствовать, поскольку моральная слабость слабого пола не вызывала сочувствия Джека Прингла, ведь, по его собственному признанию, девицы столько раз заставляли его не верить в их верность.

Глава 7

Возвращение ожившего человека и грабеж в андерберийском доме.

Утро после событий в склепе Андербери, тусклое и мрачное, возшло над океаном, прилегающим к городу. На протяжении нескольких лье – если бы глаз мог видеть это, он бы это увидел – в атмосфере стоял туман, который не мог разогнать веющий ветер.

Над горизонтом поднимался белый свет, который не отбрасывал теплого свечения на поверхность океана, как иногда бывает. Он был тусклым, холодным и безрадостным. Не было ничего, что можно было назвать прекрасным.

Мчались волны и накатывались одна на другую. Их гребни то и дело покрывались пеной, которая сдувалась бризом, веющим над океаном. Это был простой дневной свет.

В пейзаже не было ничего, кроме воды и неба, ничего больше на протяжении многих миль нельзя было увидеть. Нет, там был еще один объект, это была лодка, которая плавала туда и обратно на волнах в море, она дрейфовала в разные стороны. Лодку приводили в движение волны, она казалась пустой, поскольку веслами никто не управлял и не было видно никакой человеческой фигуры.

Но лодка, такая одинокая и движущаяся сама по себе, или, точнее, движимая волнами, содержала живое существо. Это был тот, кто так старался прошлым вечером убежать от барона.

Он сидел в одиночестве на дне лодки. Он был утомлен и дрожал от холода. Последовала реакция на его очень сильное переутомление. Он не знал, где он и в каком направлении движется. Не знал он, и в какой стороне берег.

Он не знал, как долго лежал в таком беспомощном положении. Иногда он поднимался и осматривался вокруг, думая, что есть вероятность того, что будет проплывать какой-нибудь корабль или что-то появится в пределах видимости.

Представлялось, что он был в полном одиночестве. Вокруг все было смутно, нельзя было увидеть ничего, что бы подбодрило или порадовало разум человека. Время от времени на печальную воду падал луч солнечного света, но он оживлял только маленькое пятнышко и на очень короткое время, поскольку вскоре исчезал.

Были только унылый океан, свинцового цвета небо и лодка, брошенная на милость ветру и волнам, которые, казалось, не были к ней слишком благосклонны, хотя шквала тоже не было.

* * *

Судно из Шербура с бренди плыло в Лондонский порт, оно направлялось прямо в устье Темзы. Для этого ему нужно было обогнуть мыс.

На его борту были три или четыре мужчины и пара мальчиков. Когда они подплыли близко к лодке, мужчина, увидевший ее, закричал:

– Эй, в лодке! Эй, в лодке!

На этот крик не последовало ответа, и другие члены экипажа судна, которые собрались на палубе, чтобы посмотреть, в чем дело, тоже стали кричать. Подошел капитан. Он был в каюте, но, услышав крики, поднялся на палубу узнать их причину.

– Что случилось? – поинтересовался капитан, оглядываясь вокруг.

– Справа по борту лодка, – сказал один член экипажа, – в ней никого нет, мне так кажется, по-моему она дрейфует.

Капитан в течение нескольких минут внимательно смотрел на лодку. Один из мужчин сказал:

– Вероятно, было какое-то крушение и лодку снесло волнами или команда не успела в нее сесть. Или что-то еще в этом роде.

– Нет, – сказал капитан, – это не корабельная лодка, это береговая лодка, парни. Ее смыло, или кто то утонул, опрокинувшись или упав за борт.

– Да, что-то такое, наверное, и было, позволю себе сказать, сэр.

– Нам не нужно к ней приближаться, она нам не нужна, мы только потеряем время.

– Кажется, в ней кто-то есть.

– Но лодка дрейфует, – сказал капитан. – Она приближается к нам, мы посмотрим в нее. Это будет лучший способ во всем убедиться.

Они направили свое судно так, чтобы встретить лодку, которую волны несли к ним. Примерно через двадцать минут или через полчаса они были от лодки на расстоянии в сорок ярдов. Теперь они могли ясно увидеть сидящего на дне лодки человека.

– Эй! – закричал капитан. – На лодке! На лодке!

Человек, который был в лодке, взглянул вверх и увидел судно. Он с радостью ответил.

– Бросьте ему веревку, – сказал капитан одному из людей, стоящих рядом.

Веревка была крепко привязана к судну и сильной рукой брошена к лодке. Она как раз легла на лодке перпендикулярно ей. Ее сразу крепко привязал к лодке человек, сидящий в ней.

Немедленно после этого он начал тянуть веревку и таким образом приближать лодку к судну. Вскоре он был уже на палубе.

– Дорогой друг, что вы делаете в открытом море на таком хрупком суденышке?

– Ничего, – был ответ.

– Ничего? Тогда вы заплыли, ничего не делая, слишком далеко. Что заставило вас выйти в море, или вас унесло, или вы оказались здесь каким-то другим образом?

– Меня унесло, – ответил человек, – я сидел в лодке у берега, а потом уснул, думая, что лодка хорошо привязана, я верил в это.

– Да, да, – сказал капитан, – а потом, когда вы проснулись, вы обнаружили, что ошиблись?

– Да. Все, на чем держалась лодка, – это были всего лишь крючок и веревка. Начался прилив, он поднял лодку и снял лодку с крючка. После этого меня унесло в море, и теперь я не знаю, где я.

– Это, должно быть, произошло прошлой ночью? – спросил капитан.

– Да, это было прошлой ночью, – ответил незнакомец.

– Значит, вы в море всю ночь? – добавил капитан, взглядываясь в незнакомца.

– Это действительно так. Я замерз и проголодался. У меня ничего нет. Некоторое время я греб в надежде добраться до берега, но, к сожалению, мне это не удалось. Предполагаю, что я только заплыл еще дальше в море.

– Это близко к истине, потому что сейчас вы, должно быть, в пятнадцати милях от берега, – сказал капитан. – Вы достаточно далеко от берега, могу вам сказать. И как вы вернетесь обратно, я не знаю. Но в любом случае вы очень странно выглядящая рыба. Мне кажется, что вы были в море очень долго, но никакой голод не сделал бы вас таким. Я не знаю что с вами делать. Но вы не должны голодать. Парень, принеси кофе и вареную свинину. Вы можете ее есть?

– Спасибо, – сказал бедняга, – я могу. Я плавал много часов.

– Хорошо, садитесь, или, скорее, спуститесь и поешьте. Когда закончите, поднимитесь, и я скажу вам, где берег.

Человек спустился туда, где были королевский кофе, сделанный для него, то есть кофе с добавлением бренди, и соленая свинина, которой он съел особенно много. Капитан пробормотал сам себе:

– Из всех странно выглядящих сухопутных акул, которых я когда-либо видел, он самый странный! Пропади я пропадом, если я подумал, что он красив. В нем есть что-то могильное.

– Выражение его лица не самое приятное, – сказал один моряк, – но думаю, что он был просто слишком напуган и стал похожим на вампира.

– Именно, или на оживший труп.

– Да, сэр.

– Но это все оттого, что он был сильно испуган и голодал, а также от утомления. Плавание всю ночь почти изменило течение его крови.

Этот человек поднялся наверх, хорошо поев внизу и выразив большую благодарность за королевский кофе коку, который про себя подумал, что, должно быть, он все-таки христианин, хотя имеет внешность белого негра.

– А теперь, – сказал капитан, – если вы хотите плыть с нами в Лондон, то плывите, потому что, как я уже сказал, мы не можем заходить ни в какой порт, поскольку у нас сейчас есть сильный попутный ветер.

– Я скорее доберусь до берега на своей лодке, – ответил человек, – когда мы приблизимся к берегу.

– Вы могли бы, если бы плыли прямо к берегу, но есть одна трудность. Вы не сможете сделать это без компаса, а его у вас нет.

– Действительно, нет. Но с ним бы я, несомненно, доплыл до земли.

– У меня есть, – сказал капитан, – один маленький карманный компас внизу. Я вам дам его. Если вы собираетесь на берег, он вам поможет в любом случае.

– Я буду очень вам признателен за вашу доброту, – сказал незнакомец. – Я не знаю, как мне отблагодарить вас.

– Не говорите ничего об этом. Мы, люди, зарабатывающие себе на хлеб в бурном море, хорошо знаем о риске, которому подвергаемся, поэтому всегда готовы поспешить на помощь каждому, кто попадет в беду.

– Я постараюсь, так же как и вы, спасти чью-нибудь жизнь, если мне нельзя спасти вашу, – ответил незнакомец, – и таким образом, если это возможно, отблагодарить вас.

– Да, так можно, товарищ. Сделайте христианскую добродетель кому-нибудь, с кем встретитесь, и это будет хорошей наградой за то, что я сделал вам.

Лодку подтянули к борту судна, и, до того как в нее сел незнакомец, капитан сказал ему, передавая компас:

– Вы должны будете положить этот компас на банку в вашей лодке, товарищ.

– Я так и сделаю.

– У вас, конечно, отличная лодка для путешествий вне видимости земли. Но не обращайтесь внимания, вы в достаточной безопасности, разве что если не поднимется буря и море не захлестнет вас волной. Но она не собирается. Запомните, вам нужно двигаться на северо-запад, так вы сможете достичь суши за кратчайшее время.

– Спасибо, – сказал человек.

– Вы должны направлять лодку в этом направлении. Потому что, если вы будете грести, вы быстро устанете. Да и потом, вы не приучены к гребле.

– Я вам чрезвычайно признателен, – сказал человек, – если я доберусь до берега, я буду вам очень обязан. Это будет значить, что вы спасли мне жизнь.

– Я дам вам достаточно сухого печенья, грога и холодной говядины. Их хватит до ночи, а до этого времени, у меня есть основания верить в это, вы доберетесь до берега. Вы будете там через пять или шесть часов. Но в случае чего, еды будет достаточно до ночи.

– Я прямо не знаю, как благодарить вас.

– Не говорите больше ничего. Скорее отчаливайте от нашего судна. Мы из-за вас замедлили скорость.

– Прощайте, счастливого пути, – сказал человек.

– До свидания, удачи вам, – ответил капитан. – Держитесь северо-запада, и все будет в порядке. Отчаливайте и следите за компасом.

Человек сделал так, как его просили. Он положил компас на банку. Взял в руки весла и стал грести, желая добра спасшим его.

Команда судна собралась на борту и смотрела на отплытие лодки. Когда она была уже на расстоянии в несколько сот ярдов, были подняты паруса, и судно поплыло, рассекая волны, оставляя лодку за собой. Лодка теперь казалась простым пятном в море, которое с каждым мгновением уменьшалось.

Но пока еще лодка была в пределах слышимости, капитан сказал команде:

– Подбодрите его, возможно, с ним что-нибудь случится до того, как он доберется до берега, возможно, он погибнет.

Экипаж согласился и громко закричал человеку, сидящему в лодке, капитан тоже присоединился к кричащим. Подбадривающее «ура» достигло лодки. Человек, сидящий в ней, поднял весло и помахал им.

* * *

Лодка продолжила свое плавание, и наконец она скрылась из виду судна. Ослабив скорость, вампир решил просто направлять ее в сказанном ему направлении, где была земля.

Он не спешил и не желал страстно достичь земли, он просто был там, где был. Когда на горизонте появлялось какое-то судно, он не хотел, чтобы его видели или что-либо ему кричали. Мимо него проплывали многие, они бы могли помочь ему, если бы он просил их, но, казалось, он этого не хотел.

Прошел полдень, и солнце начало клониться к западу. Лодка приближалась все ближе и ближе к берегу.

Был виден уже не только берег, теперь можно было посчитать и дома. Несмотря на это он не спешил к берегу, было ясно, что он ждет заката, чтобы можно было укрыться под покровом ночи.

До заката солнца провизия, которую дал ему капитан судна, была съедена. Сидящий в лодке продолжал смотреть на город, который с каждой минутой все больше окутывался приближающейся ночной темнотой. Наконец, он перестал быть видим. Видны были только многочисленные огни, которые показывали человеку в лодке, где он находился.

Наступила темнота, и в океане ничего нельзя было увидеть. Несмотря на это он решил переждать в море еще. Наконец, когда уже не было опасности быть замеченным, он постепенно подгрел к берегу и привязал лодку.

После этого он спрыгнул на берег и стал бродить по городу из одного места в другое. Наконец он решил отправиться в андерберийский дом.

– По крайней мере, там есть много чего, – пробормотал он, – несмотря на то, что там полно слуг, в таком большом доме бесчисленное количество комнат, за которыми они не смогут уследить.

Он подошел к маленькой пивной, вошел в нее и сделал вид, что отдыхает. Он хотел узнать, что происходит в городе. В пивной сидели несколько человек, он сел в углу, на него никто не смотрел.

– За последнее время, – сказал один человек, – произошло не одно странное событие. Барон устраивал грандиозный праздник.

– Да, это правда, – сказал другой.

– Более того, они говорят, что он будет проводить их, пока не женится. Хотя я не знаю, зачем прекращать такие вещи потом, ведь женщины их любят слишком сильно, чтобы иметь какие-то возражения против них после свадьбы.

– Барон очень прав. Если бы он стал продолжать их, за ним бы наблюдала его жена. Она бы ругала его за каждый знак внимания, который бы он оказывал другим леди. К тому же она будет ругать его за трату денег на балы.

– Да, это будет только подогревать страсти, и чайник будет постоянно кипеть.

– Точно, – сказал другой, – он не хочет показывать, как жена управляет им.

– Я лучшего мнения о бароне, который, как я думаю, такого не потерпит.

– О, ты не знаешь, какими ядовитыми существами могут быть женщины, когда они хотят.

– Да, – сказал один, – еще одна странная вещь – исчезновение лодки Билла Врайта.

– Да? Что это было? Я кое-что слышал об этом, хотя не знаю, правда это или нет. Что там произошло?

– Он говорит, что, когда пошел спать, оставил свою лодку привязанной рядом с другими. Билл говорит, что он может поклясться, что лодка сама не могла отвязаться. Но она исчезла, и никто ее не видел. В любом случае, бедный Билл очень разозлился из-за этого. И могу вам сказать, у него для этого была причина.

– Да. Билл вряд ли сможет добыть другую лодку, разве что если ему не подарит какой-нибудь хороший друг. А это маловероятно.

– Сейчас в андерберийском доме нет никакого бала, наверное, – сказал один из посетителей.

– Нет, насколько мне известно.

– Нет, сейчас нет, – сказал другой, – потому что, как я знаю, несколько человек уехали. А если бы намечался бал, они бы не уехали, потому что барон проводит балы очень хорошо.

– Это верно.

Незнакомец в течение некоторого времени спокойно слушал эту беседу, бормоча самому себе:

– Это хорошо. Это подходит для моей цели. Я пойду и прозондирую почву. У меня есть кое-какие планы, а ценности, которые я смогу найти там в любом случае, помогут моим планам, я могу взять их здесь, так же как и где-нибудь в другом месте. Кроме того, я знаю это место лучше. Потом, оно мне нравится, и это будет чем-то вроде мести.

* * *

Позвав официанта для расчета, он произвел его и покинул пивную. Оттуда он направился в андерберийский дом. Было девять часов или даже чуть позже. Вокруг почти никого не было. Редких прохожих движущийся человек старался избегать. Он свернул с дороги и пошел полями, держась рядом с зелеными ограждениями. Наконец он пришел к границам прилегающих к андерберийскому дому земель.

Здесь он остановился и задумался о лучшем способе вхождения в дом не замеченным и не заподозренным никем, ведь иначе он не достигнет своей цели. Через некоторое время раздумий он решил идти дальше и осуществлять задуманное. Он нашел место, где забор был низким, и залез на растущие рядом похожие на кусты обрезанные деревья.

Благодаря веткам он умудрился перелезть через забор и спрыгнуть на территорию имения. Оттуда он быстро зашагал к лесопосадке, которая была рядом с домом. С помощью составляющих ее деревьев он и собирался попасть в дом. Он тихо шел в лесопосадку.

Подойдя к ней, он заметил поднявшуюся на востоке луну. Она только появилась над горизонтом.

– Спасибо, – проворчал он, глядя в сторону светила, – спасибо, что ты не появлялась раньше, но теперь ты как раз кстати, потому что сейчас я могу спрятаться под деревьями и чем темнее тень, тем в большей я безопасности.

Это было достаточно верно.

Луна была полной, но не яркой, поскольку, кажется, ее закрывали кое-какие облака или, скорее, какой-то негустой туман, который придавал ей такой странный оттенок. Это в то же время заставляло ее казаться крупнее. Но луна быстро поднялась; когда она поднялась, она приняла свой серебристый оттенок и обычный размер.

Теперь человек был в безопасности в рощице. Но для того, чтобы не быть обнаруженным, ему нужно было быть осторожным, поскольку многие обитатели андерберийского дома любили иногда прогуляться по этому месту, особенно тогда, когда проводились так называемые семейные праздники.

В лунные ночи, когда в доме было несколько членов семьи, знающих данные места достаточно хорошо, они находили достаточно увлекательным побродить по данному месту. Хотя в данный вечер в доме таких праздников не было, и, в силу этого, он был в безопасности. Он медленно крался вперед, стараясь не издавать никаких звуков, хотя полностью избегать шума было невозможно.

Нога наступала на сухие листья, ломала ветки и заставляла шелестеть маленькое подлесье, когда он задевал его.

– Как же мне пройти через открытые места? Я не знаю, – бормотал он. – Но я уже прошел через более трудные участки, я уверен, что меня не заметят, хотя для этого нужно постараться. Вряд ли здесь кто-то есть, все тихо и спокойно, сторожевые псы спят.

Он подбирался вперед, пока не оказался на расстоянии в сто пятьдесят ярдов от дома. Там он остановился и прислушался. Не услышав ничего, он снова зашагал вперед и достиг расстояния в несколько десятков ярдов от дома. Там он был внезапно потревожен голосами.

Он остановился и прислушался. Говорила женщина. По-видимому, она разговаривала с мужчиной.

– Вильям, – сказала она, – ты и вправду веришь, что сможешь сделать это бесшумно?

– Я уверен в этом, если ты оставишь окно открытым и спустишь веревку.

– Да, да, я сделаю это. Вон та комната пуста. Сними обувь и тихонько подойди к двери. Не хлопай ею, это может встревожить кого-нибудь.

– Хорошо, хорошо, я буду осторожен.

– Тогда оставайся в коридоре или комнате, пока я не приду к тебе. Если тебя потревожат, ты сможешь укрыться в одном из туалетов или подняться по лестнице, которая приведет тебя на этаж, где расположена моя комната.

– Я буду осторожен. Но не забудь о веревке и оставь окно открытым.

– Я не забуду. Я выброшу веревку, которая затеряется среди виноградных листьев, поэтому она не будет замечена никем, кто случайно будет проходить мимо. Хотя это крайне маловероятно.

– Я понимаю. Мне даже кажется, что виноградная лоза достаточно прочная, чтобы выдержать меня и без веревки.

– Я не хочу, чтобы ты пытался сделать это без веревки, вдруг упадешь и убьешься, Вильям. Не пытайся сделать этого. А что, если нас поймают? Тогда мне конец.

– Не бойся об этом. Я позабочусь о тебе.

– Тогда пока.

После этого еще несколько слов было произнесено шепотом. Эти слова он уже не слышал, но разговор шепотом длился минуту или две. Затем женщина сказала:

– Подожди здесь несколько минут. Ты увидишь меня в том окне. Я спущу веревку, и тогда действуй как можно быстрее.

– Не беспокойся за меня. Я буду ждать, пока ты не появишься в окне.

Он увидел, как женская фигура быстро и плавно удалилась. Затем он тоже стал ждать сигнала. Он мог видеть фигуру мужчины. Она находилась примерно в трех или четырех ярдах от места, где он спрятался.

Через некоторое время он увидел женскую фигуру, которая приблизилась к окну, что было ранее ею же указано, выбросила из него веревку и сделала так, чтобы она скрылась за виноградными листьями, чтобы ее не было видно посторонним.

Когда это было сделано и когда женская фигура удалилась, мужчина тихо и осторожно, чтобы не было слышно его шагов, когда он наступал на сухой хворост, стал убегать в глубь рощи, где планировал некоторое время переждать. В это время вампир подбежал к дому и остановился, затем он посмотрел вверх и прислушался, чтобы убедиться, что не было звуков, дающих понять, что поблизости находится какое-нибудь человеческое существо.

Не услышав ничего, он собрался лезть в окно, при этом он проворчал:

– Берег чист, очень маловероятно, что мне не удастся сделать этого. Когда я буду в доме, а я буду там скоро, содержание некоторых ящиков барона, кое-какое его золотишко станут моими.

Еще раз осторожно осмотревшись и удостоверившись в том, что за ним не наблюдают, он бросился рыскать в винограде. Через мгновение он нашел веревку. Но вдруг он услышал звук шагов. Он не знал, что делать. Отбежав на несколько футов, он затаился в пышной виноградной листве.

Шаги приближались все ближе и ближе, пока он не увидел ту самую женщину, которая выбросила веревку в окно. Она схватила ту же веревку, которую недавно схватил он. Она хотела убедиться, что веревка находилась достаточно низко, чтобы за нее можно было ухватиться. Когда она пришла к такому выводу, она сказала тихим голосом сама себе:

– О! Так пойдет. Он легко найдет ее, позволю себе сказать. Все будет в порядке. Ее никто не увидит.

Удостоверившись в этом, она покинула это место и вернулась туда, откуда пришла.

– Я чуть не убежал совсем, – пробурчал он. – Я не думал, что она вернется. Я об этом не думал. Но не важно. Я верю, что теперь все в порядке. А если нет, то я снова убегу. Она должна была быть слепой, чтобы не увидеть меня.

Он поднялся и подошел к веревке. Используя веревку, а также виноградную лозу, он добрался до окна, в которое спешно и забрался. Он оказался в пустой комнате.

Здесь он остановился, чтобы убедиться, что никого нет рядом. Ничего не услышав, он осторожно, кошачьим шагом, направился к двери.

Открывая дверь, он остановился, чтобы прислушаться, прежде чем рискнуть выйти на лестничную площадку, куда она вела. Увидев, что горизонт чист, он прошел через нее и вошел в другую комнату, которая, по-видимому, была кладовой, наполненной самыми разными вещами, использовавшимися в доме лишь иногда.

Он закрыл дверь в эту комнату и пошел вверх по лестнице, рядом с этим местом располагались спальни слуг. Там он ходил из одной комнаты в другую, пока не понял, в какой части дома находится, после этого он направился прямо в комнату барона.

– Там, – пробормотал он, – я точно найду то, что хочу. А благодаря мягким коврам я не произведу никаких звуков. Я могу там даже немного поспать.

Он сразу же направился в спальню барона. Он открыл дверь в нее и вошел. Она была пуста. Он сразу же закрыл за собой дверь. Сначала он нашел место, где можно было спрятаться. Затем он приступил к поискам ценных вещей. Нашел одну. Продолжил поиски, нашел еще кое-что, что было даже более дорогим на рынке.

Он нашел ящики и сокровищницы, но не мог открыть их, поскольку они были заперты. Он должен был ждать до того времени, когда барон пойдет спать. Тогда, взяв его ключи, он мог бы без труда сделать то, что ему хотелось.

Едва приняв такое решение, он был встревожен шагами барона, который поднимался по лестнице. Это вызвало необходимость немедленно спрятаться. Он быстро спрятался в выбранном им месте. Как только он сделал это, в комнату вошел сам барон, который принес с собой свечу.

Некоторое время он ходил туда-сюда. Казалось, что он и не собирался спать. Была серьезная опасность обнаружения им места, где спрятался незнакомец. Он бы легко сделал это, если бы только повернул голову или двинул рукой при определенных обстоятельствах. Но, к сожалению, барон этого не сделал.

Только примерно через час барон лег. И даже после этого он долго не засыпал, было видно, что он о чем-то думает.

Несмотря ни на что, он все-таки заснул и громко заговорил языком Морфея через нос. После этого герой андерберийского кладбища вышел из места, где прятался, и начал обыскивать комнату.

– Где его ключи, хотел бы я узнать? – подумал он. – Он должен был носить их с собой. Но может быть, он оставил их в какой-нибудь своей одежде. Если мне удастся найти их и завладеть ими без шума, это будет большая удача.

Он нашел ключи, хотя и не без некоторого позвякивания. Как бы там ни было, это не произвело никакого воздействия на барона, который лежал и храпел в своей кровати. Он подобрался к ящикам. Ключи подошли. Он спокойно открыл один из ящиков.

– Сегодня я удачлив, – прошептал он.

В этот момент барон повернулся в своей кровати и выдал глубокий вздох. Минуту или две он не двигался, казалось, что он просыпается.

Вторженец остановил процесс кражи и согнулся, хотя, если бы спящий открыл глаза хоть на мгновение, он бы все равно увидел его.

Внезапно он стал говорить, но неразборчиво, очень неразборчиво, хотя и достаточно громко. Незнакомец сильно испугался, он подумал, что его обнаружили. Но он нашел, что барон всего лишь говорил во сне. Он подошел ближе к нему и ему удалось разобрать его слова.

– Ха! – вздохнул барон. – Она очень очаровательна, очень очаровательна. Ха! Ее формы и лицо совершенны!

Он остановился, но затем продолжил снова, но опять очень неразборчиво. Можно было разобрать только одно или два слова, но понять смысл сказанного было невозможно.

– Она замечательна, – пробормотал барон во сне. – Она красива, мила, какая жена!

После этого он опять начал что-то неразборчиво бормотать. Смысл опять-таки понять было невозможно.

– Небеса, какой приз! – воскликнул барон и снова впал в сон, который теперь казался более невозмутимым и спокойным.

– Он бы не проснулся, даже если бы его поместили на шесть саженей в морскую глубину, – пробормотал грабитель. – Спи и оставь меня в покое, – процедил он сквозь зубы. – Было бы безопаснее убить, но один крик может привести сюда всю прислугу.

Подойдя к двери он обнаружил, что она заперта. Он повернул ключ. Поворот замка издал звук, который заставил барона проснуться.

– Что это было? – пробормотал он сонным голосом. – Кажется, я слышал, как открылась дверь. Но этого не может быть, потому что я ее закрыл. Я очень хорошо помню, что я ее закрыл.

После этих слов он снова крепко заснул.

– Пронесло, – пробормотал, поднявшись, вторженец.

Он открыл дверь, теперь в случае чего он мог убежать из комнаты.

После этого он вернулся к ящикам и стал выгребать их содержимое. Неожиданно он уронил ключи, которые с громким звуком упали на пол. Барон проснулся и поднялся, облокотившись на локоть. Он отодвинул занавески, чтобы понять причину беспокойства.

В следующее мгновение комнату озарил свет, и вторженец принял неподвижную позу. Но это было сделано слишком поздно. Барон, глаза которого бегали из стороны в сторону, заметил его. Он быстро протянул руку к пистолету, который лежал у него под подушкой и взвел курок.

– А! Грабитель! Убийца! Стой или я буду стрелять!

Звук взведения курка был достаточно четким. Он говорил об опасности. Не обращая внимания на команду барона, грабитель бросился назад. Барон выстрелил, и в доме раздался оглушительный грохот, эхо которого ходило из комнаты в комнату по всему дому, наполняя его обитателей изумлением и тревогой.

Чувства, вызванные этим звуком, описать достаточно сложно. Пробужденные от глубокого сна таким ужасным оглушительным выстрелом, который вызывал чувство опасности, обитатели дома находились в оцепенении в течение почти минуты. Из этого состояния они были выведены криками барона, которые были ужасающими.

Едва только раздался оглушительный выстрел, барон бросился посмотреть на его результат.

Вторженец не обратил внимания на приказания барона и на его выстрел. Он бросился прочь из комнаты на самой большой скорости, побежав в нижнюю часть дома, где было больше возможностей для побега.

Барон, оправившись от удивления, выскочил из комнаты, схватил лежащую на одном из стульев палку и погнался за убегающим, крича своим людям, чтобы они поднимались.

– Грабят! Воры! – закричал он. – Помогите, помогите поймать грабителей, которые находятся в доме.

Вторженец побежал вниз по лестнице, но за ним по пятам следовал барон, который видел перед собой всего лишь темную фигуру цели его погони. На нижних этажах, где было совершенно темно и окна были закрыты ставнями, он потерял его из виду.

Грабитель воспользовался темнотой, обошел своего преследователя и быстро побежал вверх по лестнице, намереваясь побегать в комнату, через которую он вошел. Делая это, он наткнулся на человека, который спускался вниз. На размышления времени не было, и он помчался навстречу этому человеку, не обращая внимания на его удары. Этот человек говорил:

– Вот ты где. Вот один из них.

Битвы не всегда бывают жестокими. Благодаря своей ловкости грабитель уклонился от удара. Из-за инерции ударяющий покатился вниз по лестнице и не остановился, пока не достиг низа.

– Убийца! Убийца! – кричал несчастный человек, скатываясь вниз по лестнице, пока не замолчал из-за постоянных ударов головой.

В это время незнакомец бежал вверх по лестнице на огромной скорости. Он добежал до лестничной площадки, которая вела в комнаты, где было окно, через которое он вошел. Заперев за собой дверь, он вылез в окно, схватился за веревку и начал очень быстро спускаться, боясь, что его поймают кто-то внизу.

Он спрыгнул с веревки еще до того, как сполз по ней к земле. Спрыгнув, он столкнулся с препятствием, которое вскоре стало убежать.

– Бог мой! Бог мой! – закричал голос человека в страшном ужасе. – Что это? Что это? Пощады, пощады! Я не хотел сделать ничего плохого.

Незнакомец не обращал внимания на пришедшего в ужас деревенского парня, который, казалось, только начал подниматься по веревке. Когда его сбили с веревки, он, придя в себя, побежал в рощу, за сбившим его неудачным грабителем, радуясь, что избежал тюрьмы.

Глава 8

Джек Прингл влюбляется и имеет неудачное приключение с отважным драгуном

Джек Прингл, как и другие люди, был подвержен страстям, из-за которых с ним происходили вещи, результаты которых не были результатами, которых можно было бы ожидать, когда человеком овладевают нежные чувства.

В самом деле, Джек не мог увидеть ничего плохого или в малейшей степени предвещающего несчастье в черных глазах и розовых губах Сюзан, которая определенно была красавицей гостиницы, хотя и не такой, как поется в песнях.

Он, то есть Джек, поселился в гостинице. Он вообще был равнодушен к гостиницам, где была большая свобода, чем где-то еще. Здесь каждый мог не только поселиться где хотел, но и выбрать и заказать табачок и грог, если у него в кармане имелся грош.

Случилось так, что Джек нашел для себя еще одну причину остановиться здесь. Ею была вышеупомянутая Сюзан, которая показалась любезной и доброжелательной.

Она никогда не отказывалась приходить на вызовы Джека, а когда приходила, всегда говорила:

– Что вы хотели, мистер Прингл?

«Мистер Прингл, – думал Джек, – это звучит неплохо из таких уст».

Джек, почесывая голову и перевертывая жевательный табак у себя во рту, часто предавался восхищению и забывал, что он в этот момент хотел. Это продолжалось даже после того, как ему несколько раз задавали вопрос, тогда он понимал, что на самом деле ничего не хочет, особенно когда его грог еще не кончился.

– Знаете, – воскликнул Джек, смотря на стакан, – я забыл. Но не обращайтесь внимания, Сюзан, я бы хотел еще грога, но, пока у меня есть этот, я не буду торопить вас. Я не буду торопить вас, Сюзан, нет, я не буду.

Такие любовные дела никогда не проходят гладко. Мы знаем об этом, это правило такое же старое, как и горы. Оно постоянно доказывает свою правильность. Можно предположить, что будет доказывать ее и в будущем, до конца мира.

Как бы там ни было, у Джека был соперник, и достаточно грозный. Однако Джек считал его куском гнилой пряжи. Нет. Он не был высокого мнения о сухопутных, особенно о солдатах, поскольку его соперник был именно им.

– Сюзан, – сказал Джек, когда сидел на кухне и наблюдал, как Сюзан выполняет свои многочисленные обязанности.

– Мистер Прингл, – сказала Сюзан.

– А! – ответил Джек, после чего следовала пауза, во время которой Джек забывал даже жевать свой табак, будучи отвлечен мыслями. Он намеревался что-нибудь сказать, но не мог связать предложения. Джеку было трудно удержать свои мысли, так же как деревенскому жителю удержать свинью за хвост.

– Что вы сказали, мистер Прингл? – спросила Сюзан суетясь. – Я уверена, что вы собирались что-то сказать.

– Знаете, думаю, да, – сказал Джек, – но я уже не помню что. Но может быть, вы сами знаете что.

– Как я могу знать? Я не могу сказать, о чем думаете вы. Почему вы так подумали?

– Потому что ваши черные глаза, кажется, пронзают меня насквозь, Сюзан. Я скажу вам так, вы должны знать, что я собирался сказать, потому что я постоянно думаю о вас.

– Это правда?

– Да, – сказал Джек, – вы легкое судно, у вас на редкость прекрасная резная фигура, которую помещают над водорезом корабля.

– Господи! Мистер Прингл! – сказала Сюзан.

– Это действительно так. Я приму три дюжины и не моргну, если во всем британском военно-морском флоте или в любом другом найдется более прекрасная резная фигура.

– Может, мне, – сказала Сюзан, – стать резной фигурой? Признаюсь, я ничего подобного раньше не слышала. Что вы скажете еще? Я никогда не знаю этого наперед.

– Видите ли, Сюзан, – сказал Джек, который был очень смущен и точно не знал, что ему сказать в ответ на комплимент, который он не мог понять, – резная фигура – это самая прекрасная часть корабля, за исключением оснастки, иллюминаторов и бортов. Но эти вещи не похожи ни на что человеческое, особенно на вас, Сюзан.

– Правда, мистер Прингл? Вам лучше знать. Осмелюсь сказать, что все в порядке, поскольку вам это лучше знать. Но мой кузен говорит, что я больше похожа на Венеру Медичи, чем на что-нибудь еще.

Джек смотрел на нее.

– На кого? – поинтересовался он, и его глаза открылись очень широко.

– На Венеру Медичи, – сказала Сюзан, произнося слова очень медленно и выразительно для Джека.

– Я такую не знаю, – сказал Джек. – Держу пари, что в военно-морском флоте такого судна нет. Я о таком не слышал. Может, это французское судно. Вашего кузена нужно выпороть за то, что он говорит, что в вас есть что-то французское. Вы настоящая англичанка, и в вас нет ничего французского, ведь правда, Сюзан?

– Я не знаю, но я никогда не слышала, чтобы во мне было что-то французское. Но он об этом уже долгое время говорит.

– Кто он? – спросил Джек, подчеркивая последнее слово, выказывая, что оно ему противно.

– Мой кузен.

– А кто ваш кузен? – поинтересовался Джек. – Вы давно с ним виделись?

– Я видела его этим утром. Его полк расквартирован всего в нескольких милях отсюда.

– О! – сказал Джек. – Значит, он солдат?

– Да, он кавалерист, – добавила Сюзан.

– Человек на неподходящей работе. Я знаю таких. Они всегда наврут и ускакивают прочь галопом. Они никогда не подходят к врагу, пока ты его не разобьешь. Нет, нет, они не могут сделать этого.

– Он будет сегодня здесь, – сказала Сюзан. – Вы увидите его, мистер Прингл. Он едет сюда специально, чтобы повидать меня.

– Повидать вас? – спросил Джек Прингл, которому не нравилось такое особенное внимание к кузену, поэтому он не мог не сказать этого.

– Но он мой кузен, – сказала Сюзан, – люди же должны видаться со своими друзьями и знакомыми. Кроме того, он всегда был очень любезен и доброжелателен по отношению ко мне. Поэтому я не могу не относиться к нему так же любезно.

– А, конечно, – сказал Джек. – Только мы должны понять друг друга, Сюзан. На борту не может быть больше одного капитана.

– Как странно вы говорите, мистер Прингл. Мой кузен спросит вас, что вы имеете в виду.

– Спросит? – сказал Джек. – Он может делать, что ему угодно. Мой жаргон будет таким же хорошим, как и его, я уверен. Но в любом случае мы его увидим. Но, Сюзан, вы же не любите его?

– Нисколько, мистер Прингл, он просто кузен, вы же понимаете.

– О! Очень хорошо, – сказал Джек. – Мне все равно. Но если вы будете затевать какие-то игры, я не потерплю этого.

– Что вы, – сказала Сюзан, глядя нежно на Джека, – что вы. Вы думаете, что я на такое способна? Нет, я не делаю ничего тайного. Я честный человек.

– Хорошо, – сказал Джек, – это хорошо. Как вы думаете, Сюзан, я лучше солдата?

– Не знаю, – сказала Сюзан.

Она посмотрела на Джека так, что тот был вынужден остановить проглатывание выпивки, которую хотел залить себе в горло.

– О! С вами все ясно, Сюзи, – сказал Джек, став более раскованным и довольным, поскольку глаза Сюзан производили на Джека магический эффект. Он считал, что Сюзан любит его так же, как он любит ее. Ее глаза говорили ему больше, чем ее язык. Джек был в этом уверен.

– Когда он приезжает? – спросил Джек.

– Сегодня вечером, – сказала Сюзан, – и ты должен пообещать мне, что будешь вести себя спокойно и цивилизованно. Не делай никаких замечаний по поводу того, что он говорит или делает.

– Нет, нет, – сказал Джек, – все в порядке, я понимаю. Я не буду ругаться с ним. Даже если бы он был... Но расколись моя грот-мачта, если я смогу удержаться!

– Удержаться от чего? – спросила с притворной застенчивостью Сюзан.

– Если он будет целовать вас, – сказал Джек, ударяя по столу кулаком, заставляя стаканы, стоящие на нем, задрожать. – Мне было бы легче удержать якорь.

– Господи, мистер Прингл! Зачем вы говорите о таких вещах? Я не буду этого делать.

– Чего? – спросил Джек.

– Позволять ему поцеловать меня.

Джек выглядел, а возможно, и в самом деле был, возбужденным. После недолгой паузы он вытащил изо рта табак, подтянул брюки, обнял Сюзан и поцеловал ее. Это был поцелуй, который мог сделать только военный человек. Он звучал как выстрел пистолета.

– Господи, мистер Прингл! – сказала Сюзан. – Я думала, что вы совершенно другой человек. Что бы сказал мой кузен драгун, если бы увидел вас? Вы, должно быть, встревожили весь дом. Я не думала, что вы наделаете столько шума.

Послышались шаги, и в комнату заглянула хозяйка гостиницы. Но Сюзан уже была за работой, а Джек жевал свой табак с большой важностью, как его адмирал.

– Сюзан.

– Да, мэм, – ответила Сюзан.

– В чем дело?

– Не знаю, мэм. Мне не кажется, что что-то случилось.

– Мне показалось, что только что разбилась тарелка. Ты уверена, что ничего не разбила?

– Совершенно, мэм.

– О! – сказала хозяйка гостиницы. – Я определенно слышала грохот. Но, предполагаю, что ошиблась. Как бы там ни было, я рада.

– Вот! – сказала Сюзан, когда она ушла. – Я же тебе сказала, что ты встревожил весь дом.

– Знаете, – сказал Джек, который был очень смущен произошедшим, – это был не такой уж и большой шум. Но не обращайтесь внимание, в следующий раз я буду осторожнее.

* * *

Настал вечер. Приехал драгун. Он был одет в прекрасный образец военного костюма. Сюзан встретила его в коридоре.

– А! Моя дорогая Сюзан, – сказал сын Марса. – Звезда моей судьбы и надежда моего сердца. Пока я ношу шпоры, я буду любить тебя, дорогая.

– О! Не нужно этой чепухи, Роберт.

– Но разве я говорю эти слова без повода? Нет. Разве может быть день без дневного света, а ночь – без лунного? Это ты вынуждаешь меня произносить такие слова. Без тебя я не смог бы ничего сказать.

– Наверное, нет, – ответила Сюзан, – ты такой человек, который может заставить поверить в свои слова.

– Ты должна поверить, ведь я говорю правду и ничего, кроме правды. Но пойдем, пойдем. Я хочу поговорить с тобой, Сюзан. Я приехал с определенной целью. Девушка за стойкой в «Плуге и крыжовнике» очень расстроилась, когда узнала, что я там не остановлюсь. Но я обещал тебе, что приеду, и сдержал свое слово.

– Ты уверен, что она расстроилась?

– Конечно, потому что она не сказала до свидания.

– Хорошо, но теперь я хочу поговорить с тобой кое о чем. Я хочу кое-что тебе объяснить.

– Объяснить, дорогая? Я не возражаю. Я готов выслушать все, что ты можешь объяснить.

– У меня здесь кузен.

– В самом деле? Я не потерплю другого.

– Да, но ты должен. Он только что прибыл из морского плавания и является очень странным человеком. Но он необычайно добродушный человек, поэтому не обращай внимания на то, что он говорит или делает.

– Я не имею ничего против него. Абсолютно ничего.

– Да, только никоим образом не обижай его. Когда ты хочешь, ты можешь быть приятным компаньоном.

– Я им и буду.

– Если ты будешь им, я буду довольна. Несмотря на то что я не считаю его кем-то больше брата, он очень любит меня.

– Вероятно, он глуповатый морской тюлень.

– Ты должен вести себя с ним прилично. Иначе я с тобой больше никогда не буду видеться.

– Хорошо, моя очаровательная. Я скажу все, что тебе будет угодно этой твоей морской рыбе. Но он не должен прикасаться к тебе. Если он это сделает, я буду вынужден высечь его.

– Но он военный человек.

– Я и сам военный человек, моя дорогая.

– Господи! – сказала Сюзан.

После этого она повернула свое лицо и свои глаза к драгуну, который не мог упустить такую возможность. Он немедленно поприветствовал ее в военном стиле. Его поцелуй не произвел такого шума, он был тихим. После этого драгун последовал за Сюзан в комнату, где сидел Джек.

– Это мистер Джон Прингл, – сказала она.

– Да, да, – сказал Джек, – только я Джек Прингл, и в море и на суше, везде Джек.

– А это, – продолжила Сюзан, – мистер Роберт Свобем.

– Здравствуйте, – сказал Джек, – мистер Свобем. Кажется, так? Но поскольку мы оказались в одной кают-компании, мы можем быть друзьями. Как дела?

– Очень хорошо, спасибо, мистер Прингл, очень хорошо. Надеюсь, вам здесь хорошо, вы чувствуете себя как дома.

– Да, именно так, я чувствую себя и хорошо, и как дома.

– Дьявол!

– Да, мы зовем его «Дейви Джонсом», вы, кажется, с ним знакомы.

– В нас иногда есть что-то от этого джентльмена.

– Да, да. Вероятно, вы хорошо его знаете. Но не важно, товарищ. Мы можем поговорить за бутылкой грога, я считаю.

– Да, конечно. Я могу выполнять свои обязанности в любой момент, друг. Встречаясь с врагом, выпивая грог и целуя девушку. Что еще я могу сказать?

– Я тоже могу делать такие вещи, могу торжественно заявить, если они заговорили об этом, – сказал Джек и искоса посмотрел на Сюзан.

В это время она чуть не рассмеялась, вспомнив чрезвычайно звучный поцелуй Джека, который хозяйка гостиницы приняла за биение посуды.

– Как бы там ни было, – закричал Джек, на лице которого появилась злая улыбка, – мы выпьем вместе.

– Очень хорошо, Сюзан. Ты сделаешь то, что нам нужно? Если хозяйка гостиницы позволит мне, я буду ухаживать за тобой и сделаю всю твою работу.

– Она сделает из этого, – сказала Сюзан, – большой скандал. Ты будешь выгнан за пробование грога на пути из бара в приемную.

– А, да. У меня могут возникнуть неприятности из-за этого. Что вы сказали, друг Джингл?

– Прингл, – сказал Джек.

– О, а! Рингл. Теперь я расслышал отчетливо.

– Ты, швабра, – сказал в бешенстве Джек, – у меня нет такой фамилии. Моя фамилия произносится совсем по-другому.

– Меня зовут, – сказал солдат, – не швабра, а Свобем, если вам угодно.

– А, – сказал Джек, – швабра или Свобем, это роли не играет. Все должны быть на своих местах. Некоторым повезло больше, чем другим, несмотря на то, что они – кузены.

– Кузены! Да пропадут пропадом кузены, скажу я.

– Я согласен, – сказал Джек, и они оба посмотрели друг на друга, думая друг о друге, что каждый – кузен Сюзан.

– Я рада, что вы здесь, – сказала Сюзан, – у меня для вас есть грог. Очень крепкий. Я налила сюда немного больше, и хозяйка не заметила.

– Сюзан, я вижу, что ты ко мне очень внимательна. Но ты должна помнить и о том, как я внимателен к тебе, – сказал солдат.

– Я могу сказать то же самое, – сказал Джек, думая, что это можно сказать кузену, – я восхищен Сюзан, у нее такие глаза, такие щеки...

– Это правда. Они похожи на бриллианты в розах. Вот на что они похожи.

– Да, – сказал Джек, – и мягкие, как бархат.

– Пропади я пропадом, – сказал солдат, – вы пытаетесь перещеголять меня. Хочу спросить, друг, где ты научился стрелять в такой манере, а?

– Где? – переспросил Джек, ставя стакан. – Там, где были люди, которые стреляли в нас. Гарантирую, что это было не так, как на суше, где люди изо всех сил стараются хорошо выглядеть. Подветренные штормовые портики были заполнены кровью, и каждый был настоящим британским моряком.

– Это хорошо. Но когда я служил за границей, мы не могли укрыться от опасности ни за какой стеной, ни за каменной, ни за кирпичной, ни за деревянной.

– А мы даже не ложились, когда воевали. Мы уничтожили здание, которое защищало нас. Нам противостояли морские духи. Но мы не боялись опасности.

– О, это очень хорошо, – сказал солдат, – но опасность есть опасность, вот и все. Единственное, что мне бы не понравилось, – это плохой грог.

– Это очень плохо. А как ты думаешь, что мы делали в Портсмуте, когда мы там высадились? Хозяин той гостиницы дал нам плохой грог, и как мы его за это отблагодарили? Мы заставили его пить до упаду. А затем мы его выбрили наголо.

– Я вспоминаю место в Португалии, где нам принесли вино, которое мы не могли пить. Оно было очень жидким и кислым. Мы тщетно просили принести нам получше. Но никто не внял нашим просьбам. Мы были уверены, что у него было и получше. Мы решили достать его.

Мы позвали нашего хозяина гостиницы и сказали, что решили разорить его, если он не принесет нам вина получше. Но он заявил, что лучше у него нет.

Мы решили поискать и нашли прекрасное вино, одно из лучших среди тех, какие я когда-либо пробовал. Мы стали его пить. Мы выпили столько, сколько могли, а потом уснули и забыли наказать нашего хозяина гостиницы за его жульничество. Предположу, что он прекрасно знал о том, чего заслужил, потому что он подговаривал сельских жителей убить нас, пока мы спали. Когда мы проснулись, то обнаружили, что окружены дюжиной мужчин.

Нас было всего трое, но мы были вооружены. А у крестьян не было ничего, кроме различных вещей, напоминающих оружие: старых ружей, мечей и дубинок. Они не были такими людьми, как мы.

Началась трудная битва. Мы использовали наше оружие так хорошо и дрались так отчаянно, что они были рады оставить нас победителями.

– Господи! – сказала Сюзан. – Это правда?

– Конечно. Но это еще ничего. Я приводил в ужас целый вражеский полк.

– Да? – сказал Джек. – Вы заслужили комплимент всего корабля. Хорошо, продолжайте. Вы лучше всех кузенов, о каких я только слышал. Хороший рассказ, хорошо закручен, за такой всегда можно выпить стакан грога.

– Легче рассказывать об этом, чем делать то, что мы делали там, могу вам сказать. Но не обращайтесь внимания, Сюзан, не пугайтесь. Теперь все это закончено. Хорошо все, что хорошо кончается. А это дело кончилось хорошо.

– Я служил в Испании. Я дрался там с французами. Я хотел сделать больше, чем входило в мои прямые обязанности. Я знал, что, если буду удачлив, получу хорошую награду. Я хотел, если бы была возможность, захватить пару знамен. «Заряжайте, мои brave парни!» – закричал полковник, когда к нам стал приближаться враг.

Их было больше в три или четыре раза. У нас были все основания предполагать, что их больше. Но мы об этом не думали и бросились на них.

Было великолепно смотреть на несущуюся во весь опор, хорошо вооруженную кавалерию в эскадронах. Они имели преимущество в количестве солдат. Несмотря ни на что, наш удар был таким сильным, что враг был выбит из своих седел, а некоторые были убиты. Мы секли и рубили каждого, кто попадался нам, пока враг не стал отступать. Как только мы начали понимать это, мы разогнали своих лошадей и решили преследовать врага. Они обернулись в бегство и стали показывать нам свои пятки. К сожалению, не было других солдат, которые могли бы поддержать нас. Я сказал «к сожалению», потому что, пока мы дрались с превосходящим нас по силам врагом, на нас напали сзади и многие были убиты.

Среди взятых в плен был и я. Я получил одно или два серьезных ранения, которые посчитал смертельными. Но они оказались не такими опасными, как я думал. Тем не менее, когда я был в седле, я был не в состоянии сопротивляться. Мои глаза были наполнены кровью...

– Господи, как страшно, – сказала Сюзан.

– Было страшно думать об этом, но я не думал. Я был слишком сильно поглощен мыслями о своих обязанностях. Я был так разгорячен и взволнован, что не думал больше ни о чем. Меня куда-то унесли.

Я не знаю, что случилось со мной потом. Но я помню, как меня укрыли плащом и увезли с собой. Я знаю, что мы ехали очень быстро, поскольку они опасались нашей повторной атаки. Им удалось убежать и перегруппироваться. Со свежими силами они ждали нашего марша.

В ту ночь они подумали, что я слишком серьезно ранен, чтобы быть в состоянии причинить им какое-то беспокойство или убежать, поэтому они оставили меня в конюшне.

Я упал в обморок. После нескольких попыток привести меня в сознание они оставили меня, как безнадежный труп. Но им на это было наплевать, они не горевали. Я не знал, зачем они возились со мной. Наверное, брать пленников у них считалось очень почетным делом. Им хотелось взять побольше пленных. По тому же принципу, по которому старая леди пытается вычерпать все море чайной ложкой, когда она думает, что каждое небольшое усилие пойдет на пользу ее цели, они, поскольку количество пленных было небольшим, считали, что еще один будет иметь значение.

Потом они бросили меня, посчитав безнадежным. После того как они привязали своих лошадей, они отправились к своему мясу и своему вину. Некоторое время они разговаривали друг с другом. Когда они собирались лечь спать, я внезапно очнулся от своего транса и вышел, совершенно не понимая, что я делаю.

Эти люди смотрели на меня и тряслись как тополя, но не убегали. Потом один из них сказал: «Дух, дух!»

Это произвело такой эффект, что они все повскакивали на ноги и убежали прочь с того места, оставив меня хозяином положения. Решив, что я один, я направился к английским войскам. Я дошел до своего полка, где меня очень тепло приняли: мои товарищи считали, что я погиб.

– Да, – сказал Джек Прингл, – определенно, вы чуть не погибли, хотя вы не стали духом. Но это еще не так страшно, как брандер¹, особенно когда его нужно отбуксировать к врагу. Я участвовал в такой операции в Средиземноморье.

– Господи, брандер! Что это? – поинтересовалась Сюзан.

– Корабль, наполненный массой взрывчатки, – сказал Джек. – Это не игрушка.

– У врага было несколько таких кораблей. Когда мы подплыли к ним, мы обнаружили, что ветер благоприятствовал им, и первым делом они послали на нас эти самые брандеры. Но ветер не дул постоянно в одну сторону. Он менялся. Нам был дан приказ сесть в лодки и отбуксировать брандеры обратно к врагу.

– Можете быть уверены, им это не понравилось. Они бы все взлетели на воздух. Враги стали стрелять по нам и по брандерам. Интенсивность стрельбы была такая, что казалось – вода кипит вокруг нас.

– Господи! – сказала Сюзан. – Как страшно! Страшно, когда кастрюля кипит здесь, а что было там?

– Некоторые из нас были убиты, – сказал Джек. – Мой сосед справа был застрелен в голову, потом еще один, и двое отправились к Нептуну.

– Им повезло, что они выпали из лодки, когда вокруг была такая опасность. Я бы, например, была рада.

– Может быть, – сказал Джек, поворачивая табак во рту. – Я знал, что люди, которых посылают на такое задание, не возвращаются назад. Они навсегда остались за бортом. Многие из них стали обедом для акул. Как бы там ни было, ветер изменился, и нам удалось расположить брандеры там, где они должны были быть, то есть среди врага.

¹ Военно-морской термин: судно, начиненное взрывчаткой или горючими веществами, которое запускают для уничтожения кораблей противника. (Прим. перев.).

Мы еле уплыли оттуда. Рядом с нами одно за другим взорвались пять или шесть кораблей. Но в нашу лодку ничего не попало. Хотя другая лодка была затоплена.

– А что стало с несчастными людьми, которые сидели в ней? – поинтересовалась Сюзан, которую ужаснули детали.

– Некоторые из них утонули, некоторых мы спасли, – сказал Джек. – Корабли врага взрывались и покрывали море кусочками горячей древесины, многие из которых попадали на другие корабли, поджигая их снасти, ударяя матросов по головам и нанося много другого вреда.

– Господи! – сказала Сюзан. – Как ужасно. Я бы не хотела оказаться рядом с брандером. В любом случае, наша миссис – это брандер.

Было сделано еще несколько замечаний. Джек думал, что успокоил драгуна и дал ему порцию соленой воды. Более того, Джек обзрел «девушку из гостиницы» таким взглядом, что заставил забеспокоиться военного, который, закручивая пальцем усы, сказал:

– Очень хорошо рассказывать об опасностях моря, но они не идут в сравнение со штурмовой операцией.

– Штурмовой операцией? Что это? – поинтересовалась Сюзан.

– Я скажу тебе, моя дорогая, и ты узнаешь все об этом. Дело было во время осады Бенгпаудера.

– Никогда не слышал о таком месте, – перебил Джек, – где расположено это заморское место?

– Вы там никогда не были, да? – сказал с презрением драгун. – Чтобы говорить об опасности, вы должны были быть там. Тогда бы вы знали, что такое опасность. Но я просвещу ваше невежество.

– В Бенгпаудере, во время его осады, сначала от нас было мало пользы, разве что мы были сторожевым охранением, фуражировочным отрядом. Иногда мы снимали вражеских солдат, когда они появлялись. Артиллерия стреляла из пушек. В течение нескольких недель день и ночь шла стрельба с обеих сторон, поэтому в воздухе постоянно носился запах пороха. Его можно было почувствовать на расстоянии в двадцать лье.

– Господи! – сказала Сюзан.

– Пропади я пропадом, – сказал Джек Прингл, – если вы не хотите сказать, что это было трудно.

– Это, – продолжил драгун не обращая внимания на замечание, – это было еще ничего, это был простой пустяк. Через несколько недель стрельбы мы проделали в стене дыру, которая с каждым днем увеличивалась, пока не стала достаточно большой, чтобы через нее смог пролезть человек.

После этого было приказано производить штурмовую операцию. Но после нескольких попыток наши люди прекратили ее, поскольку она была безуспешной. Наш капитан, который был необычайно отважным парнем, которому не нравилось смотреть на обороняющихся, заявил, что брешь достаточно большая, чтобы через нее пролезть.

Это отрицалось офицерами и солдатами, которые уже попытались пробраться через нее в крепость. Он сказал, что, если кто-то хочет пойти с ним добровольцем, он пролезет через дыру.

Это было сказано нам. Мы все согласились последовать за этим смельчаком, если он хотел идти.

Он сразу же проинформировал главнокомандующего, и нам был дан приказ лезть через дыру. Для этого мы спешились и пошли пешком.

Когда мы подошли к стенам на несколько ярдов, нас накрыл шквал огня из всех видов оружия.

Но это нас не остановило, хотя и заставило поредеть наши ряды. Мы решились лезть через дыру. Это можно было делать только по одному. Шестеро из нас были сброшены замертво как сельдь. Наши люди сильно испугались. Они не возражали нападать все вместе, даже если умрут. Но они не хотели лезть в дыру по одному, чтобы каждого из лезущих пристреливали по очереди.

«Ура, парни! – сказал я. – Я попытаюсь, вперед. Быстро следуйте за мной».

Я поднялся и полез в дыру, несмотря на тысячи пуль. В меня попала только одна, она несколько сбрила мне усы.

Мы все пробрались внутрь. Вскоре за нами последовали другие полки. Через короткое время это место было нашим. Но мы были почти голые.

– О, Господи! Почему? – поинтересовалась Сюзан.

– Мы лезли через такие узкие места, что наша одежда рвалась на клочки.

– Господи!

– Но это правда, – сказал драгун, поднимаясь и выходя из кухни.

Через несколько мгновений за ним последовала Сюзан и Джек, после поворачивания жевательного табака и выплевывания табачного сока на пол, встал, подтянул штаны, предва- рительно сказав «пропади пропадом», и тоже вышел из кухни. Но он еще не сделал несколь- ких шагов, как увидел – о ужас – Сюзан в объятиях драгуна, усаые губы которого больше чем один раз встретились с ее.

– Потопить корабль... – пробормотал Джек. – Плохо выглядящий пиратский вор.

Но Джек вскоре успокоился. Он подслушал назначение свидания и решил пойти на него самому, назло драгуну.

Приняв такое решение, он пошел на кухню, куда через некоторое время пришла Сюзан. Джек притворился, что он спит, и ничего ей не сказал, поскольку думал, что она в этом деле с драгуном повела себя плохо. Он решил заменить солдата.

Время пришло, и Джек встал на том месте, с которого мог засунуть драгуна в бочку для дождевой воды, если он откажется на замену.

Появился драгун. Он медленно и осторожно поднимался к окну Сюзан по стремянке.

– Стоп там, – сказал Джек, когда драгун поднялся до самого верха. – Что ты здесь делаешь?

– А что здесь делаешь ты? – поинтересовался драгун.

– Много чего, – ответил Джек, – но ты сюда не иди. Я все слышал и скажу тебе так: ты сюда не попадешь в любом случае.

– Но я...

– Не пытайся, или я утоплю тебя. Я это сделаю, ради всего хорошего поэтому лезь назад.

– Думаю, сначала это придется сделать тебе, – сказал драгун. – Я штурмовал и более опасные места. А здесь, я подозреваю, особой опасности нет.

Он полез вверх и вскоре натолкнулся на Джека, который обхватил его пояс, поднял и хотел бросить в бочку для дождевой воды. Однако он поскользнулся, драгун перевернул его, и Джек сам полетел в бочку.

Джек вошел в нее головой вперед, он стал брыкаться ногами и барахтаться. Если бы бочка для дождевой воды не была очень гнилой и не выплеснула много воды, была бы боль- шая вероятность того, что Джек нашел в этой маленькой бочке свою водяную могилу.

Он стоял в бочке, прочищая глаза и дыхание после своего погружения.

Глава 9

Предложение Джека Прингла взять Андерсона на свадьбу.

Благодаря одному обстоятельству Джек вскоре успокоился после того, что произошло с ним. Он был очень рад, что никому из его знакомых не было известно о его неудаче.

Приятным вышеупомянутым обстоятельством, о котором мы упомянули, было получение письма от адмирала. Из самого факта написания такого послания Джеку можно было сделать вывод, что адмирал чувствовал себя без него плохо.

Письмо было следующего содержания:

«Джек, ты, мятежный негодяй. Твой отпуск закончился, и ты знаешь, что тебя ждет по возвращении на корабль. Но ты можешь оставаться там, где ты сейчас находишься, поскольку я еду к тебе.

В том месте, где ты остановился, будет свадьба какой-то странной рыбы барона Чего-то с кем-то еще. Но поскольку мы все приглашены, мы приедем в четверг, поэтому можешь ждать нас на топе мачты, если хочешь. Ты увидишь нас приплывающими на полных парусах.

Пока больше ничего тебе не скажу, бродяга».

– Какое нежное письмо, – сказал Джек. – Я знал, что старик без меня долго не сможет. Он настоящий старый ребенок, вот он кто. И если бы я за ним не следил, он был бы очень несчастен. Привет! Какая радость! Ты вернулся?

Эти последние слова были адресованы Джеймсу Андерсону, который в этот момент появился в доме старого моряка, куда он пошел сразу же после разговора с миссис Вильямс, во время которого ей удалось убедить его, что все его надежды по отношению к Хелен были полностью разрушены.

Выражение его лица было таким удрученным, что Джек Прингл сразу все понял и закричал:

– Выше нос, приятель. Думаю, теперь о своей возлюбленной ты можешь сказать, что она не лучше других.

– Действительно, – сказал Джеймс Андерсон, – уничтожены все надежды. В моей груди теперь нет ничего, кроме отчаяния. Я сразу поеду в Лондон, сделаю рапорт в адмиралтействе, поскольку обязан сделать это, а после этого не знаю, что будет со мной.

– Чушь, ерунда, – сказал Джек, – у меня есть для тебя новости. Мой старый адмирал, о котором я забочусь, получил приглашение на ту самую свадьбу твоей возлюбленной.

– Что? Разве это возможно? Ты имеешь в виду приглашение на свадьбу Хелен Вильямс и барона Штольмайера из Зальцбурга?

– Да. Я имею в виду именно это, ты не ошибся. Вот письмо, которое он написал мне. Можете его прочитать.

Джек передал письмо адмирала Джеймсу Андерсону, которое он прочитал с большим интересом, а когда закончил сказал:

– Мистер Прингл, мне в голову неожиданно пришла одна мысль...

– Опять начинаете, – сказал Джек. – Я же уже просил не называть меня мистером Принглом. Я не могу этого терпеть. Называйте меня Джеком. А теперь говорите про свою неожиданно пришедшую мысль.

– Хорошо, Джек. Вот моя внезапно пришедшая мысль. Можно убедить вашего адмирала взять меня на свадьбу, я постараюсь изменить внешность, чтобы меня не узнали. Я хочу в последний раз взглянуть на ту, кого я люблю, прежде чем она невозвратно станет женой другого.

– Если вы этого хотите, – сказал Джек, – это будет сделано. Я ручаюсь, что адмирал не будет возражать. А что касается Баннервортов, они хорошие люди и сделают все возможное, чтобы помочь любому человеку, я в этом уверен.

– Я буду считать это большим одолжением. Несмотря на то что я чувствую, что мои надежды разрушены, и не надеюсь на чудо от простого созерцания ее своими глазами, я все еще желаю посмотреть на нее: может быть, в чертах ее лица будет сожаление, если она еще не полностью забыла о прошлом.

– Не говори больше ничего, – сказал Джек, – считай, что это уже сделано. На твоём месте я бы очень постарался, чтобы она меня не узнала, потому что я бы не позволил женщине, которая обманула меня, даже если бы она имела рост семь футов и была крупной, как бочка, смеяться над тем, что я пришел на ее свадьбу.

– Она не увидит меня, – сказал Джеймс Андерсон, – она меня не увидит, можете быть уверены, потому что гостей, несомненно, будет очень много, так что я смогу легко спрятаться за ними и посмотреть на ее лицо. Она не узнает о моем присутствии на церемонии.

– Да, вы можете это сделать. Если бы я был вами, отправляясь назад, я бы дал барону хорошего пинка и пожелал бы ему радости. Я бы не допускал жестокости, просто дал бы им всем понять, что я думаю по этому поводу.

– Чувство несправедливости, с которой обошлись со мной – сказал Джеймс Андерсон, – не затмит чувство справедливости. Я не знаю, виновен ли в этом деле барон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.